

Хрестоматия

начальная школа

...ne sine fer il estea uca tot li roi frainmoe
oil sine fer il frain. sui ge. Eud deu fer li roi
Laf. qd uce li roi frain. estea uca soica li

...voluntate eu tu al. on du reman...
Sue tist li roi frainmoe. qe est ce qe uce vi
tes oicetrot. puet ce este qe uce me gneritiz.

Легенды

Средних веков

Хрестоматия
начальная школа

С. Л. Прокофьева

Легенды
Средних веков

Москва

ДРОФА • ПЛЮС

2006

УДК 821.411-34
ББК 84(0)4
П78

Прокофьева С. Л.
П78 . Легенды Средних веков / Пересказ для детей. —
М.: Дрофа-Плюс, 2006. — 240 с.
ISBN 5-9555-0959-3

В сборник включены средневековые легенды, рожденные в странах Западной Европы.

УДК 821.411-34
ББК 84(0)4

ISBN 5-9555-0959-3

© С. Л. Прокофьева. Текст, 2006
© ООО «Дрофа-Плюс», 2006

Перистан и Изольда

Кто нарушил покой заповедного леса Моруа?

Звонко трубят рога, лают гончие псы, скачут всадники. Это король Марк выехал на охоту.

Блестят на солнце его золотые шпоры. Ветер раздувает плащ из драгоценного бархата, скреплённый на груди пряжкой с изумрудами. Но если бы был он одет, как бедный рыцарь, всё равно, любой встречный сразу бы догадался, что это сам король. Так властно и гордо он глядит, так благородна его осанка.

Вдруг мелькнула между стволов пятнистая лань редкой золотистой масти.

Пришпорил коня король Марк и пустился за ней вдогонку.

Как птица перелетел конь через ручей и выехал на поляну. Вдруг увидел король Марк юного рыцаря, а у ног его на шелковистой траве лежит прекрасная лань, пронзённая меткой стрелой.

— Мальчишка, наглец, да как ты посмел... — начал было король, с трудом находя слова от гнева и досады, и вдруг умолк.

Потрясённый смотрит он на молодого рыцаря. Кого он ему напоминает? В лице юноши соединилось всё лучшее: красота и мужество. А глаза у рыцаря — один золотой, а другой синий, как небесная лазурь.

— Боже праведный, — прошептал король Марк. — Кто ты? Откуда? Ты так похож на королеву Бланшефлор, мою любимую сестру.

Юный рыцарь преклонил колено перед королём Марком.

— Да, государь, сердце подсказало тебе правду! Моя матушка — королева

Бланшефлор, а отец — благородный король Ривален, властитель Лоонуа. В день, когда я появился на свет, получила моя матушка скорбную весть: мой отец вероломно убит ирландским герцогом Морганом. Потому назвала меня матушка Тристаном, что значит «печальный». Не смогла пережить королева смерти милого супруга. Душу её приняли ангелы, а я остался круглым сиротой. Верный моему отцу барон Гурвенал воспитал меня, как родного сына, и обучил всему, что должен знать и уметь рыцарь...

— Мой милый племянник! Какая счастливая охота! Я гнался за ланью, а нашёл сына моей любимой сестры, — в радости воскликнул король Марк, обнимая Тристана...

Пирует король Марк в своём неприступном замке Тинтагель. Пиршественный зал полон знатных рыцарей. Слуги наполняют кубки драгоценными винами. Взял Тристан в руки арфу и запел. Голос Тристана проникает в самое сердце.

Все рыцари и бароны радуются вместе с королём Марком.

По правую руку от себя посадил король Марк Тристана. По левую — сидит герцог Андрет. Он тоже родной племянник короля Марка. Герцог Андрет невысок ростом, и лицо у него узкое, острое, как у лисы. Прячет он злобу и зависть за лицемерной улыбкой. А когда ненависть и ревность пускают корни в душе человека — не жди добра!

«Неужели Тристан будет наследником короля Марка и ему достанется власть и корона?» — терзают его злые мысли.

Вдруг тревожно затрубил зоркий дозорный с высокой башни.

Бросились рыцари к окнам. Всё море закрыли остроносые корабли. Высаживаются ирландские воины на берег в стройном порядке. Ветер раздувает зелёные знамёна.

Тяжело ступая, вошёл в зал Морольд Ирландский в доспехах из закалённой стали.

В зале стало темно, будто солнце зашло за тучу. Морольд на голову выше

всех рыцарей и шире в плечах. На рукоятке меча кроваво-алый камень, недаром люди говорят: меч его заколдован.

— Покорись моему повелителю — королю Ирландскому! — Голос Морольда, как гром, прокатился под высокими сводами. — В знак покорности, король Марк, выдай мне сто юношей и сто девушек, самых прекрасных и знатных, не старше семнадцати лет. Я увезу их с собой, они станут рабами на моей родине. Что вы молчите, бароны и рыцари? Пусть сразится со мной тот, кто не хочет покориться воле моего короля!

Снял с руки Морольд железную перчатку. Она со звоном упала на мраморный пол.

Но, молча потупившись, стояли прославленные рыцари. Всем известно — непобедим Морольд Ирландский. Говорят, его меч с кроваво-красным рубином на рукояти заколдован.

Вышел вперед Тристан:

— Я принимаю твой вызов!

На острове Святого Самсона с утра до заката солнца бились рыцари. Силён и свиреп Морольд, но Тристан проворней, он быстр и гибок. Вспыхнул закатный луч солнца на мече Тристана. В этот миг нанёс Тристан сокрушительный удар такой силы, что его меч рассёк стальной шлем Морольда. Как подрубленный под корень дуб, рухнул Морольд. Казалось, земля глубоко содрогнулась, посыпались листья с деревьев, закричали птицы. Осколок меча Тристана остался глубоко в черепе Морольда.

Весь город вышел встречать победителя. Торжественно звонят колокола во всех храмах. Матери становятся на колени, благословляют Тристана: он спас их детей от неволи и позора.

В глубоком молчании и печали отплыли ирландцы от берегов Корнуолла. Уверены они были в победе, а везут печальный груз — тело мёртвого Морольда.

С любовью смотрит король Марк на Тристана. Поднимает кубок заморского вина в его честь.

А герцог Андрет не находит себе места от жгучей зависти и чёрной злобы.

Начал он нащёптывать знатым вассалам короля Марка:

— Горе нам, если король объявит Тристана своим наследником. Тристан не в меру горд и надменен. Он презирает нас, верных подданных короля.

Пришли бароны и рыцари к королю Марку:

— Взгляните, государь, вон острокрылая ласточка принесла в клюве золотой волос. Разве это не знак судьбы? У короля Ирландии — красавица дочь, Изольда Златокудрая. Женитесь на ней, она родит вам сына, а нам будущего короля. И кончится навек давняя кровавая распря между Ирландией и Корнуоллом.

И Тристан стал горячо просить о том же короля Марка. Пусть никто не смеет подумать, что он втайне мечтает завладеть короной.

— Я сам привезу вам золотоволосую принцессу, государь, — вызвался Тристан.

Бурей и непогодой встретило море Тристана. Огромные волны то, как скорлупку, подкинут корабль, то сбросят в зелёную бездну. словно хочет море сказать: «Вернись, Тристан, вернись! Ждёт тебя беда!..»

Наконец бросил якорь корабль Тристана в ирландской гавани Вейзефорд. Дальше направился Тристан верхом в глубь страны. Въехал Тристан в угрюмый, заваленный буреломом лес. Между замшелых стволов стелется зелёный ядовитый туман. Навстречу торопится молодая женщина, бережно укутав краем плаща маленького ребёнка.

— Почему ты дрожишь, красавица? Почему ты так крепко прижимаешь к груди своё дитя?

— Видно, ты из далёких краёв и потому не слышал о нашей беде, — пугливо оглядываясь, ответила женщина. — Видишь холм, поросший чёрным, словно опалённым огнём, лесом? Страх сказать, там — логовище дракона Железные Когти. Нападает он на пеших и конных, а кого поймает — так и сожрёт

живьём. Нет от него спасенья. Наш король обещал отдать в жёны свою дочь Изольду Златокудрую тому, кто одолеет кровавое чудище. Да, видно, перевелись на ирландской земле истинные храбрецы...

Тристан направил своего коня прямо по бездорожью к чёрному холму.

Вдруг послышался хриплый рёв, затрещали дубы-великаны, дождём посыпались листья.

Из-за холма выполз громадный дракон. Тело завито кольцами и покрыто чешуёй. Железные когти загребают землю, дымное ядовитое пламя вырывается из разинутой пасти. А глаза горят, как угли адского костра.

Вскинулся на дыбы конь Тристана, дрожит. Но рыцарь могучей рукой умирил верного коня и направил вперёд.

Собрал все силы Тристан и нанёс верный удар. Глубоко вошло копьё между рёбер и вонзилось прямо в сердце богомерзкого чудища. Дико взревел дракон, извиваясь и корчась, истекая чёрной

кровью. Он ещё пытался кривыми клыками перегрызть копьё Тристана. Последний раз ударил он хвостом и остался недвижим.

Но успел дракон когтистой лапой порвать кольчугу Тристана, глубоко ранить его в грудь, огнём и смрадным дыханием опалить лицо.

Воззвал к Богу Тристан, и померк свет в его глазах.

Что это сияет золотом в сумраке дубовой рощи? Это Изольда Златокудрая услышала предсмертный вой дракона и вышла из замка. Вместе со своей верной служанкой Бренгеной пробирается она между деревьев к драконову холму.

Видит Изольда: лежит на земле поверженное чудище, а рядом с ним умирающий рыцарь с обожжённым лицом. Кликнула Изольда слуг, приказала им бережно перенести в замок раненого Тристана.

Знает Изольда тайные свойства целебных трав и кореньев. Сама приготовила она живительное снадобье, сама накла-

дывает повязки на обожжённое лицо и грудь Тристана.

На десятый день открыл глаза Тристан и тут же прикрыл их ладонью: ослепили его сияющие золотые волосы Изольды.

«Боже, как она прекрасна, — подумал Тристан. — Никогда я не видал такой дивной неземной красоты. Тяжкое испытание посылает мне судьба! Но я не могу нарушить своё обещание, я должен привезти золотоволосую невесту королю Марку...»

«Почему не глядит на меня прекрасный рыцарь, почему хмурит брови? — в тревоге думает Изольда. — Чем не угодила я ему? Верно, гневается он на меня, что не приказала я слугам почистить его оружие и доспехи...»

Взяла Изольда боевой меч рыцаря, извлекла из ножен. Смотрит: с одной стороны на мече глубокая зазубрина.

Вздрогнула девушка. Торопливо поднялась она в свою башню, отперла ларец, достала оттуда осколок стали. Своими руками извлекла она его из черепа

Морольда Ирландского. Приложила осколок к мечу, точь-в-точь совпал.

«Так, значит, этот рыцарь — Тристан из Корнуолла, ненавистный убийца. Пусть же погибнет он, Изольда сама отомстит за смерть любимого дяди Морольда Ирландского!»

Безмятежно спит Тристан. Не видит, что Изольда уже занесла над ним руку с острым кинжалом... Вдруг улыбнулся во сне Тристан.

— Изольда... Изольда... — прошептал он с неизъяснимой нежностью и тоской. И кинжал выпал из ослабевшей руки Изольды.

«Пусть сгинет в волнах проклятая тайна!» — Изольда бросила с крутой скалы ларец с осколком меча в бушующее море...

В зале с колоннами из лазурита собрались бароны и рыцари. На троне, украшенном порфиром, сидят король и королева. Рядом с ними Изольда Златокудрая.

— Я поклялся отдать в жёны свою дочь, принцессу Изольду, тому, кто

одолеет проклятого дракона, — сказал король. — Я сдержу свою клятву, слово за тобой, чужеземец.

— Благодарю за честь, король, — низко поклонился Тристан. Он боялся взглянуть на Изольду. Пусть никто не прочтёт в его взоре то, что он должен скрыть от всех. — Не от своего имени, а от имени благородного короля Марка прошу я руку прекрасной Изольды!

Как свежавыпавший снег, побледнела Изольда. Должна она стать супругой короля Марка. Добыл её Тристан, но пренебрёг ею, отказался от неё, отдаёт её другому.

А королева, мать Изольды, позвала к себе верную служанку Бренгену. Два запечатанных кубка дала ей королева и так наставляла её:

— Смотри, Бренгена! Вот два золотых кубка. Оба они запечатаны. Но взглядишь лучше: видишь на печати сердечко из горного хрусталя? Знай, в этом кубке напиток любви. На свадебном пире дай выпить напиток любви королю Марку и принцессе Изольде. И будут

они жить в радости и согласии до конца своих дней. Наклонись пониже, Бренгена! Видишь на печати второго кубка чёрный крест? В этом кубке — напиток смерти. Если нападут на корабль морские разбойники, дай выпить его Изольде. Лучше пусть умрёт моя дочь, гордая Изольда, чем достанется разбойникам на позор и поруганье.

Из гавани Вельзефорд отплыл корабль Тристана.

В своем парчовом шатре в тоске мечется Изольда. Закусила рукав платья, чтоб не слышал Тристан её рыданий.

— Я не хочу больше жить, — страстно молит Изольда. — Подай мне напиток смерти, Бренгена!

— Не могу, госпожа, — отвечает Бренгена. — Не губи свою бессмертную душу! Нет большего греха, чем самой лишиться себя жизни.

Слышал Тристан, о чём просила Изольда. Почему, почему хочет умереть златокудрая принцесса? День и ночь следит за Изольдой Тристан.

От тоски и отчаяния решилась Изольда на хитрость. Вышла она из шатра и просит девочку-служанку:

— Милая, сходи в мой шатёр. Там увидишь красивый запечатанный кубок. Когда отвернётся Бренгена, незаметно принеси его мне.

Послушно принесла девочка кубок Изольде.

Торопливо открыла кубок Изольда, не взглянув на печать.

— Боже, будь милостив ко мне, грешной! Нет у меня сил дольше терпеть эту муку... — простонала Изольда и поднесла кубок к губам.

Видит Тристан, пьёт Изольда тёмно-алый напиток. Выхватил он из её рук кубок и осушил до дна.

— О, несчастный! — воскликнула Изольда. — Ты выпил напиток смерти!

— Зато теперь я могу говорить, моя прекрасная любовь! — Тристан упал на колени перед Изольдой. — Я полюбил тебя с первого взгляда...

— В твоих объятьях я хочу встретить смерть, — прошептала Изольда, скло-

няясь к нему. — Я люблю тебя больше жизни...

В отчаянии закрыла лицо руками верная Бренгена. Боясь, что захочет умереть Изольда, спрятала она напиток смерти, крепко заперла на ключ. На его место поставила кубок с напитком любви. Страсть, жгучая радость и бесконечная тоска — вот что такое любовный напиток, настоящий в полнолуние на колдовских травах. И влюблённые выпили его... Что теперь будет?

А солёный ветер беспечно поёт в парусах, и корабль несётся к гавани Корнуолла.

Король Марк, а с ним сто благородных рыцарей и сто прекрасных дам вышли из замка, чтобы встретить Изольду.

Бледен Тристан, но кто удивится этому? Он сразился с драконом и, видно, ещё не оправился от ран. Так думали все, кто глядел на Тристана. Не знали они, какое смятение царит в его душе. Один голос словно нашёптывал ему: «Возьми Изольду за руку, поднимитесь на корабль и плывите куда глаза глядят, только не

расставайтесь». Другой голос шептал: «Останься верен клятве, Тристан. Иначе будешь ты опозорен до конца своих дней».

Тристан взял Изольду за руку и сам подвёл к королю. Изольда была молчалива и не поднимала глаз. Что ж, скромность, потупленный взор подобают благородной невесте!

Все знатные бароны и герцоги съехались на свадьбу короля Марка и Изольды Златокудрой. Прекрасна была невеста в белоснежном наряде и короне. Весь зал освещали золотые волосы юной королевы.

Счастлив король Марк, не может наглядеться на свою юную супругу.

О, если бы знал он, как томится Изольда по ночам, беззвучно повторяя: «Тристан, любимый...» — и её жгучие слёзы прожигают насквозь простыни из тонкого шёлка!

Не в силах влюблённые жить друг без друга.

На три дня отлучился из замка король Марк. Глубокой ночью крадётся Изольда мимо спящей стражи.

Высоко горит свеча. Вот мелькнула ночная бабочка, привлечённая светом. Миг... и вспыхнули лёгкие трепещущие крылья.

«Так и я сгораю на огне любви», — содрогаясь, думает Изольда.

Завернувшись в длинный плащ, спускается Изольда по мраморной лестнице в сырой от ночной росы сад. Звёзды, тихо мерцая, смотрят с небес, словно жалея влюблённых.

Ноги в тонких башмачках промокли насквозь. Но Изольда не чувствует холода. Вон тень высокой сосны пересекла лунную поляну.

Изольда падает в объятия Тристана. Короткая встреча, недолгое счастье, но сейчас любящие не думают ни о чём. Блаженство опьянило их.

Всматривается в глубину спящего сада друг Тристана — Гурвенал, у дверей осталась верная Бренгена. Но не углядели они. Коварный герцог Андрет взобрался на сосну, спрятался в густых ветвях.

— Сосновая хвоя осыпала мои волосы, — говорит Изольда.

— Побудь со мною ещё хоть недолго, — молит Тристан.

Вернулся в замок король Марк.

Вошёл в его покои герцог Андрет и так сказал королю:

— Не могу я дальше молчать, милый дядя, потому что твоя честь мне дороже жизни. Знай же, Тристан и Изольда любят друг друга преступной любовью. Они тайно встречаются, и в этом я клянусь.

— Не верю тебе, подлый завистник! — вне себя от гнева крикнул король Марк. — Не верю ни одному твоему слову!

— Тогда поверь своим глазам, — сказал герцог Андрет. — А если я оклеветал Тристана, отдай меня палачам и пусть я погибну в муках.

Сказал король Марк Изольде, что должен он снова уехать на три дня из замка.

— Небо затянули тучи, быть грозе, лучше останьтесь дома, — возразила Изольда.

Но король сел на коня и ускакал. Не знала Изольда, что в темноте, незамеченный никем, возвратился король в замок.

Грохочет гром, хлещет дождь. Но что может остановить любящих? Они встретились в темноте под большой сосной. Насквозь промок плащ Изольды, но, не чувствуя холода, она прильнула к груди Тристана.

Вдруг вспыхнул жаркий багровый свет. Это герцог Андрет и верные ему бароны разом зажгли дымные факелы.

Добр и благороден король Марк, но в гневе и ревности он неумолим и беспощаден.

— Ты вероломно предал меня, Тристан! Ты изменила святому обету, Изольда! — в исступлении воскликнул король Марк. — Завтра поутру вас казнят!

Едва на востоке порозовели облака, как со всех сторон потянулись жители на городскую площадь. Суровы и мрачны лица мужчин, плачут женщины. Ведь Тристан спас их детей от ирландского рабства, и все полюбили кроткую и добрую королеву.

А на площади уже сложены два костра из белых поленьев для Изольды, из тёмной ели — для Тристана.

Гневно сдвинуты брови короля Марка, глаза горят ненавистью и жаждой мести. Знатные вассалы боятся подойти к нему.

С трудом скрывает радость герцог Андрет: «Я, я теперь единственный наследник короля Марка!»

Первым повели Тристана. Вьётся дорога мимо пропасти, далеко внизу звенит мелкая речушка.

Просит Тристан:

— Развяжите мне руки, добрые люди. Я безоружен, не убежать мне, не скрыться.

Старый суровый воин мечом разрезал верёвки на руках Тристана. И в тот же миг воззвал Тристан к Богу и спрыгнул прямо с утёса вниз, в пропасть. Под скалой на берегу реки росли серебристые ивы. Ветер надул плащ Тристана, как парус, и плавно спустился он на гибкие ветки.

Там, под скалой, отыскал его Гурвенал и подал Тристану его боевой меч с рукоятью в виде креста.

Тем временем на площадь вывели королеву Изольду. Слуги герцога Андрета

так туго стянули пеньковой верёвкой нежные руки Изольды, что алая кровь стекает по пальцам.

Уже дымится костёр...

Вдруг послышался звон колокольчиков, и в страхе расступился народ. Это толпой идут прокажённые. Впереди ковыляет их повелитель — Ивен. Он весь изъеден проказой и потому ненавидит всё прекрасное и живое.

— Король Марк! — сказал Ивен, жадно глядя на Изольду. — Послушай меня. Быстро сгорит на костре красавица королева, и кончатся её муки. Лучше отдай её нам. Пусть она сгниёт заживо, как мы, пусть долгими будут её страдания, пусть день и ночь она будет призывать смерть...

Ослеплённый гневом, молча кивнул головой король Марк.

Прокажённые с хохотом и визгом тащат по дороге Изольду, вырывая друг у друга верёвку. Но едва вышли они из города, преградил им путь Тристан с обнажённым мечом в руке.

В страхе разбежались прокажённые.

Ни одного из них не тронул Тристан. Пожалел несчастных.

Ласковым шелестом ветвей встретил влюблённых дремучий лес Моруа. Дикая лесная чаща стала их прибежищем. У подножья столетнего дуба сплели они шалаш из веток. Забыли вкус хлеба и соли. В лохмотья превратилось тонкое платье Изольды. Живут они беспечней малых лесных зверушек. Те готовят запасы на зиму, роют тёплые норы. Где укроются влюблённые, когда мороз скуёт льдом ручьи и засыплет снегом лес Моруа?

Однажды король Марк, преследуя дикого кабана, заблудился в густой чаще. Свита его отстала, он выехал на заросшую цветами лесную поляну.

Под раскидистым дубом увидел король Марк ветхий шалаш, продуваемый ветром. Там на груде сухих трав и осенних листьев спали Тристан и Изольда, а между ними, разделяя их, лежал меч Тристана.

Внезапная жалость проснулась в сердце короля Марка. Как исхудала, как

побледнела Изольда! Тени от длинных ресниц кажутся голубыми. И Тристана не узнать. Скорбно сдвинуты брови, что снится ему? Седая прядь волос упала на висок.

Нагнулся король, взял зазубренный меч Тристана. Этим мечом бился Тристан с Морольдом Ирландским. На его место положил король Марк свой, украшенный драгоценными камнями. Тихо удалился король Марк, ведя за собой коня.

Проснулись Тристан и Изольда.

— Боже, король Марк был здесь! — с волнением воскликнул Тристан. — Вот неподкупный свидетель — его меч! Чем отплатить нам за великодушие и доброту короля? О, моя дорогая, мы больше не можем быть вместе! Я отправлюсь в королевство Хоэль, к моему другу герцогу Каэрдину. А ты должна вернуться в замок к королю Марку.

Вдруг в осенней увядшей траве что-то ярко сверкнуло. Изольда подняла золотую пряжку с бесценным изумрудом.

— Её обронил король... — прошептала Изольда.

В ближайшем городке продал Тристан первому же меняле золотую пряжку. На вырученные деньги купил он тонконового белого иноходца для Изольды и светлые богатые одежды. Пусть въедет Изольда в замок Тинтагель, как подобает королеве.

Тот, кто увидел бы, как прощаются любящие, до конца своих дней уже не мог улыбнуться. Печально шумел лес Моруа, роняя, как слёзы, осенние капли дождя.

Принял король Марк Изольду, и ни слова упрёка.

Живёт Изольда в любви и почёте. Её нежная улыбка полна кротости. Но кто знает, что у неё на душе?

А герцог Андрет, сгорая от злобы и неутолённой мести, так сказал королю Марку:

— Все бароны и герцоги считают, что королева виновна и нарушила долг. Если королева ни в чём не повинна и на ней нет греха, пусть сама потребует

Божьего суда. Пусть по обычаю вынет руками из костра раскалённое докрасна железо, чтобы все убедились в её чистоте и непорочности.

Король Марк в гневе воскликнул:

— Замолчи! Ты ненавидишь королеву! Смотри, ты сам играешь с огнём.

Побледнела Изольда, стало её лицо прозрачным, как льдинка. Она подняла руку и сказала:

— На десятый день я оправдаю себя клятвой.

Потом она отправилась в часовню и так молилась в тоске и слезах:

— Господь милосердный, тебе открыта истина! Во всём виноват колдовской напиток. Если бы не он, я и Тристан, мы остались бы верны священному долгу.

Тайно послала Изольда верного Гурвенала в королевство Хоэль к Тристану. Велела передать, чтоб Тристан был в назначенный день на Круглой Поляне.

Вот и наступил этот день, которого ждала Изольда с великой тоской и страхом.

Король Марк, Изольда и сто баронов прибыли на Круглую Поляну и остановились на берегу неширокой, но бурной реки. На другом берегу, скорчившись на песке, сидел паломник в плаще, увешанном ракушками, и просил милостыню.

Когда лодка Изольды пристала к берегу, королева сказала:

— Не знаю, как мне выйти из лодки? Мои одежды белее снега, и так хочу предстать я перед вами в час страшного испытания.

Тут нищий паломник поднялся с песка, вошёл в воду и подхватил королеву на руки. Но, ступив на глинистый берег, он вдруг поскользнулся и упал, крепко обнимая Изольду.

Слуги, осыпая бранью, прогнали его прочь, и он сел под деревом, тихо бормоча молитвы.

Изольда сбросила с себя пурпурную мантию, сорочку и башмаки. На ней осталась только белая туника без рукавов, все драгоценности раздала Изольда нищим и убогим.

Прерывающимся голосом Изольда сказала:

— Жители Корнуолла, благородные бароны и герцоги, будьте моими свидетелями и защитниками. Клянусь, что ни один человек, рождённый от женщины, не держал меня в своих объятиях, кроме короля Марка, моего повелителя, да вот ещё этого бедного паломника. Пусть же Господь Бог решит, чиста я или виновна!

С этими словами она опустилась на колени перед горящим костром и вынула раскалённый докрасна кусок железа. Она держала его в руках, пока священник успел прочесть молитву. Потом отбросила железо и, скрестив руки, протянула их вперёд. И все, кто стоял на берегу, увидели, что ладони Изольды белы и нежны, как лепестки розы. Тогда Изольда без чувств упала на руки верной Бренгены.

Герцог Андрет вскочил на коня и помчался во весь опор не разбирая дороги. Он знал, что ему нечего ждать пощады от короля Марка. Богатство, корона, власть — всё потеряно...

А Тристан уехал далеко за море. Разные страны посетил он и совершил немало подвигов. Но где бы ни был Тристан, словно кто-то невидимый вечно следовал за ним. В пути он скользил за его конём, когда он пел печальные песни — ронял незримые слёзы, ночью склонялся над его ложем. Это была его великая тоска по Изольде.

Больше не в силах Тристан жить, не видя Изольды. Тайно прибыл он в Корнуолл.

Переделался он нищим. Лицо смазал особой мазью, составленной из волчьей травы и ядовитых ягод. Кожа его сморщилась и стала твёрдой, как скорлупа грецкого ореха.

Привратник его пропустил, зная, что король всегда ласково встречал помещанных и юродивых.

Ковыляя и спотыкаясь, вошёл Тристан в зал, где на тронах, украшенных самоцветами, сидели король и Изольда.

— Зачем пожаловал, дружок? — спросил его король Марк.

— Я пришёл забрать королеву Изольду. Она моя по праву, — безобразно гримасничая, сказал Тристан. — Королева тебе надоела, подари её мне.

— Куда же ты увезёшь королеву, бедняга? — спросил король.

— Я увезу её на облачный остров. Он летает повсюду. — Тристан споткнулся, упал и на четвереньках подполз к ногам Изольды. — А когда мы будем пролетать над лесом Моруа, мы спустимся вниз по хрустальной лестнице. Там, под старым дубом, я сплету шалаш из ветвей дерева любви и уложу королеву на ложе из листьев блаженства. Там мы будем пить тёмно-алое вино из золотого кубка.

Услышав это, Изольда побледнела и гневно сказала:

— Ступай вон, дурак! Я не желаю слушать твою болтовню. Прошу вас, государь, прогоните его! Он наводит на меня тоску.

— погоди, дорогая, он меня забавляет, — беспечно рассмеялся король. — Ум его помутился, будь к нему милостива.

— Я устала, государь, позвольте мне удалиться...

Изоolda поднялась в свои покои, и рыдания вырвались из её груди:

— Бренгена, моя дорогая сестра, этот помешанный словно солью посыпал мои раны. Он слишком много знает обо мне и Тристане. Верно, он узнал это чёрным колдовством и гаданьем и теперь пришёл сюда терзать меня и мучить.

— А вдруг это сам Тристан? — задумчиво сказала Бренгена.

— Что ты! — воскликнула Изоolda. — Как ты могла такое подумать? Тристан прекрасен и лицом, и станом, а это мерзкий горбатый урод.

В это время снизу со двора слышался лай собак, голоса охотников, топот копыт по подъёмному мосту. Это король и его рыцари отправились на охоту.

Изоolda не заметила, как в комнату проскользнул юродивый и встал у её постели. Королева отшатнулась, глядя на него с гневом и отвращением.

Вдруг в комнату ворвался верный пёс Изоолды. Он бросился на грудь

Тристана, стал с радостным визгом лизать его лицо и руки. С тех пор как уехал Тристан, он лежал на своей подстилке, выл, тосковал, отказывался от еды.

— Твой пёс меня узнал, а ты, любимая, нет, — с грустью и упрёком сказал Тристан.

Но Изольда уже прильнула к груди Тристана и замерла.

Тристан ополоснул лицо водой и стал таким же прекрасным, как прежде. Что с того, что на нём убогие лохмотья?

Но недолго суждено любящим быть вместе. Верная Бренгена предупреждает их:

— Вижу, вижу на дороге облако пыли. Это король Марк, а с ним сто рыцарей возвращаются с охоты.

— Мы должны расстаться, но сердца наши неразлучны, — сказал Тристан, целуя глаза королевы, полные слёз. — Скажи мне, любимая, если я позову тебя в трудный час, как ты поступишь?

— Если ты позовёшь меня, ни цепи, ни запоры, ни запреты, ни страх погиб-

нуть на костре — ничто не удержит меня, — ответила Изольда, обнимая его.

— Да вознаградит тебя Господь за это, дорогая! — сказал Тристан, освобождаясь из её объятий.

— Я буду молиться за тебя... — прошептала Изольда и закрыла лицо руками, чтобы не видеть, как уходит Тристан.

Вместе с верным Гурвеналом снова пустился в странствия Тристан. В Уэльсе он убил великана Оргилуса, заросшего волосами до пояса. Он победил Чёрного рыцаря, до сих пор не знавшего поражений, потому что был его меч заколдован. Побывал он в замке Камелот у короля Артура и стал одним из рыцарей Круглого стола. Слава о подвигах Тристана гремит повсюду, о ней складывают песни менестрели.

И повсюду, из страны в страну, таясь и прячась, следует за Тристаном герцог Андрет.

— Тристан, Тристан виноват во всех моих бедах! Из-за него я стал изгнанником. Имя моё покрыто позором. Тристан лишил меня короны и богат-

ства. Но я отомщу ему... — вот что с ненавистью твердит герцог день и ночь.

Скитаясь, Тристан вместе с преданным Гурвеналом приехал в Бретань.

Едет Тристан по безлюдной дороге и не узнаёт знакомых мест. Ещё недавно на зелёных нивах паслись тучные стада и были слышны весёлые дудочки пастухов. Теперь на их пути только сожжённые и разграбленные селенья. На пустырях воют одичалые псы.

На третий день к вечеру подъехали они к замку Карэ. Темнота окутала замок, лишь в одном узком окне слабо трепещет огонёк свечи.

— Это замок герцога Каэрдина, моего друга, — сказал Тристан. — Верно говорили в старину: много лиц у беды. Ко мне она повернулась разлукой с любимой, а к герцогу — огнём и мечом.

Дозорный окликнул их с башни, и Тристан назвал своё имя. Скоро с грохотом опустился подъёмный мост.

Обнялись Тристан и Каэрдин, и вскрикнул герцог от боли.

— Я ранен в плечо, друг Тристан. Граф Риоль Нантский скоро год, как вторгся в мои земли. Разорил города, сжёг всё, что может гореть. Только замок Карэ ещё держится. Но припасы кончаются, воины пали духом, а сам я ранен и еле могу держать меч.

С грустью выслушал Тристан эти слова. Они поднялись в зал, где сестра Каэрдина, сидя у окна, вышивала золотыми нитями церковную ризу.

— Это моя сестра — Изольда Белорукая, — сказал Каэрдин. — Белорукой прозвали её потому, что никто не умеет так красиво вышивать золотом по шёлку и бархату. Утром вышивает она в Восточной башне, днём — в Южной. Вечером, на закате, — в Западной, а ночью — в Северной башне при свете свечи.

Тристан низко поклонился, приветствуя Изольду Белорукую, и не заметил, что нежность и страсть вспыхнули в её глазах.

Вечером, сидя за скудным ужином, Тристан сказал Каэрдину:

— Друг мой, завтра я вызову на поединок графа Риоля Нантского.

А Изольда Белорукая сидела рядом с ним за столом. Она то бледнела, и лицо её становилось, как свежесвыпавший снег, то щёки её вспыхивали жарким румянцем.

«Я так прекрасна, — думала Изольда Белорукая, глядя на Тристана, — неужели он не ответит на мою любовь?»

Утром на поляне возле замка сошлись в поединке граф Риоль и Тристан. Ещё никому не удавалось выбить графа Риоля из седла. И, хотя он слышал о подвигах Тристана, гордость не позволила ему отклонить вызов.

Сшиблись противники с такой силой, что земля содрогнулась и птицы покинули свои гнёзда. Копья разлетелись в щепы, а кони осели на задние ноги. Зазвенели мечи, посыпались искры.

Наконец Тристан нанёс удар такой силы, что меч его рассёк обруч шлема графа Риоля, и тот с лицом, обагрённым кровью, рухнул на колени.

— Ты победил, рыцарь, — сказал Риоль, и Тристан принял из рук его меч. — Молю, сохрани мне жизнь!

— Нельзя воскресить тех, кто погиб, но награди золотом всех, до последнего бедняка, кто остался в живых. И принеси клятву верности герцогу Каэрдину, — потребовал Тристан.

Граф Риоль низко опустил голову в знак покорности.

А вечером в пиршественном зале, когда Тристан и Каэрдин осушили уже не один кубок, сказал Каэрдин другу:

— Тристан, я хочу отдать тебе самое ценное, что имею. Возьми в жёны мою сестру Изольду Белорукую. Сестра моя знатного рода и достойна стать твоей женой.

— Благодарю тебя за честь, — ответил Тристан. — Но в моём сердце царит другая Изольда, Изольда Златокудрая. Она госпожа моей печальной судьбы. Твоя сестра прекрасна, но я не могу стать её супругом.

Другого ответа ждала Изольда Белорукая. Она стиснула зубы, чтобы не

застонать, встала из-за стола и тихо удалилась в свои покои.

Герцог Андрет узнал, что Тристан гостит в замке Карэ.

Было в окрестностях замка недоброе место. Недаром звалось оно «Змеиное королевство». Там на дне пропасти гнездились множество ядовитых змей.

Поймал герцог Андрет маленькую ядовитую змейку, убил её и капелькой яда смазал наконечник стрелы.

Под вечер ехали по дороге Тристан и Гурвенал. Андрет пустил стрелу прямо в грудь Тристану. Вскрикнул Тристан и покачнулся в седле.

— Ты ранен? — с тревогой спросил Гурвенал.

— Пустяки, друг мой, — ответил Тристан, — стрела едва задела меня.

Но герцог Андрет знал: и этого довольно. Дьявольским смехом захохотал он и в торжестве поднял над головой свой украшенный золотыми пластинками лук. Но в этот миг оступись, не удержался на краю и рухнул прямо в пропасть. Обвились вокруг него ядови-

тые змеи. Царица змей Герунда ужалила герцога Андрета в мизинец. В муках погиб герцог. Так и осталось его тело лежать непогребённым на дне «Змеиного королевства». Да погибнут так все предатели!

А Тристан, шатаясь, поднялся по лестнице замка. Взглянув на бледное лицо Тристана, Каэрдин понял, что она опасна.

Не отходит от ложа Тристана Изольда Белорукая. Но не владеет она искусством врачевания. Лучших лекарей призывает она, но всё напрасно. Сочится отравленная кровь из раны Тристана. Понял он: смерть стоит у его изголовья.

— Друг мой Гурвенал, верный друг! — взмолился Тристан. — Поезжай в далёкий Корнуолл к Изольде Златокудрой. Только она может исцелить меня!..

Немедля снарядил корабль Гурвенал и отправился в плавание.

Вместе с верной Бренгеной вошёл он в покои короля Марка. Упала на колени

Бренгена, обливаясь слезами, рассказала королю о золотом кубке и напитке любви.

— Теперь я знаю, нет вины на Тристане! — в волненье воскликнул король Марк. — Ты свободна, королева Изольда, поступай, как велит тебе сердце!

Надувает попутный ветер белоснежные паруса. А Изольде кажется, что корабль стоит на месте. Томит её недоброе предчувствие.

С каждым часом всё слабее бьётся сердце Тристана.

— Изольда, Изольда, любимая, — побледневшими губами еле слышно шепчет он.

— Корабль, корабль! — крикнул дозорный с башни.

Тристан с трудом приподнялся на своём ложе.

— Скажи мне, Изольда Белорукая, сестра моего друга, какой на нём парус: белый или чёрный? — угасающим голосом прошептал Тристан.

И тут отомстила Изольда Белорукая за свою отвергнутую любовь.

— Чёрные паруса на корабле, рыцарь Тристан! Чёрные, как безлунная ночь, — сказала она.

— Значит, возвращается Гурвенал без золотоволосой королевы. Прощай, прощай, моя великая любовь...

Трижды вздохнул Тристан, воззвал к Богу, и дыхание отлетело от его губ. Умер Тристан.

Сошла на берег Изольда Златокудрая и услышала: во всех церквях печально звонят колокола. Боясь спросить, вбежала она в зал... И видит: лежит мёртвый Тристан, а над ним склонилась Изольда Белорукая. Она горько рыдала, раскаявшись в своём жестоком обмане.

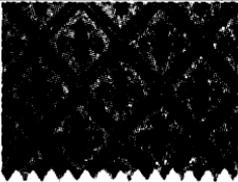
— Отойди! — сказала ей Изольда Златокудрая. — Живой или мёртвый — он мой. Ты пришла, чтобы оплакать чужую смерть, а я — чтобы найти свою. Ты не знаешь, что такое любовь...

Долго и горько плакала Изольда Златокудрая, склонившись над Тристаном. И казалось, с каждой слезой, с каждым вздохом жизнь покидала Изольду. Она

легла подле Тристана, нежно поцеловала его в уста. Сердце Изольды перестало биться, так умерла она, обнимая любимого.

Велел король Марк сделать два гроба — из халцедона для Изольды, из берилла для Тристана. Их похоронили рядом, возле часовни.

Ночью из могилы Тристана вырос розовый куст с благоухающими цветами. Наклонились его ветви и проросли в могилу Изольды Златокудрой, чтобы даже смерть не могла разлучить Тристана и Изольду.

Король Артур

Солнце вставало над тенистым лесом. На сверкающую утренней росой поляну выехал всадник. Конь ступал плавным и медленным шагом. Всадник что-то бережно прижимал к своей груди, словно бесценное сокровище.

— Как сладко он спит, ни разу не проснулся, — с нежностью прошептал всадник.

Вдруг в ветвях дважды ухнул филин. Всадник насторожённо повернул голову. Похоже — условный знак. И вправду, в тот же миг из кустов выскочили десять здоровенных лохматых верзил, а впереди — самый плечистый с широким ножом в руке.

— А ну, стой! — крикнул он всаднику. — Отдай всё, что у тебя есть: коня, плащ и первым делом то, что ты так крепко прижимаешь к груди. Уж наверно там не куль тряпья, а золото и драгоценности. Отдай всё и ступай себе пешочком по прохладе, а не то...

Утреннее солнце ярко блеснуло на отточенном лезвии ножа.

Всадник откинул капюшон.

— Э, да это седой старикашка, — ухмыльнулся вожак шайки. — Чего уставился? Мы долго разговаривать не любим!

— А я так люблю поговорить, — спокойно ответил старик. — Приходилось мне беседовать с королями и герцогами, львами и грифонами...

— Ну и горазд же врать ты, старик! — загоготали разбойники.

— А вот с дубиной перекинуться словцом мне привелось в первый раз! — Голос старика зазвучал неожиданно грозно и властно.

В тот же миг разбойники с воплями бросились врассыпную. Там, где только

что стоял их могучий главарь, валялась на траве большущая дубина.

— Беда, беда! Это Мерлин! Сам волшебник Мерлин!

Разбойников и след простыл.

Мерлин накинул на голову капюшон и спокойно продолжал свой путь.

Наконец над вершинами деревьев показался высокий рыцарский замок.

Тяжело загремели цепи, опустился подъёмный мост. Со скрипом открылись железные ворота. Навстречу спешит сам хозяин замка сэра Эктор.

— Рад тебя приветствовать под своим кровом, друг Мерлин. — Сердечная радость звучала в голосе сэра Эктора.

Мерлин вошёл в залу и откинул полу плаща. Вдруг послышался тонкий жалобный плач ребёнка. Распахнулись двери, и торопливо вбежала жена сэра Эктора леди Эльминта.

— Я привёз вам ребёнка, дорогого моему сердцу, — проникновенным голосом сказал Мерлин. — Прошу вас воспитать его, как собственного сына.

Ничего не сказал сэр Эктор, только склонил голову в знак согласия.

Тем временем Эльминта развернула покрывало, откинула кисею, глядит и не может налюбоваться ребёнком.

— Какое чудесное дитя! Какие светлые, ясные глазки! О, я буду, буду любить его!

— Его отец погиб, отражая коварное нападение саксов, — с грустью сказал Мерлин. — Мать не перенесла утраты и скончалась от горя... Этот ребёнок сирота. Имя его Артур, больше ничего не могу сказать до времени.

— Нет, нет! Он не сирота! — лаская ребёнка, воскликнула леди Эльминта. — Есть у него отец и любящая мать. Есть и старший брат Кэй. Он у себя дома, под родным кровом.

— Благодарю вас за доброту... — растроганно промолвил Мерлин.

И вдруг туман хлынул в окна залы, застилая всё. В тот же миг Мерлин исчез.

Но на каждом, кто стоял рядом, сверкали его прощальные дары. Алмазная пряжка на плече сэра Эктора, жем-

чуга и рубины в кудрях леди Эльминты. И даже девочка-служанка с восторгом рассматривала золотое колечко на своём пальце...

Прошло семнадцать лет.

Однажды самые старые, самые мудрые рыцари собрались в Лондоне и стали держать совет. С ними и архиепископ Кентерберийский. И призвали они волшебника Мерлина. Спросили его:

— Что делать? Как волки, грызутся между собой герцоги и бароны. Приступом берут замки, жгут селения, грабят и убивают, как простые разбойники. Голод и мор опустошают нашу землю.

— Пора избрать нового короля Британии, чтобы вернул он стране мир и возродил её былую славу, — сурово сказал Мерлин.

— Ты хочешь невозможного! Как избрать короля, если все бароны не согласны между собой? — тяжело вздохнул архиепископ Кентерберийский.

— Надо кликнуть клич по всей Британии, чтобы съехались на рыцарский

турнир¹ в Лондон все короли, герцоги и рыцари. А я призову на помощь своё чародейное искусство. И совершится великое чудо!

Мерлин вышел на городскую площадь, взмахнул рукой, и вдруг посреди площади возникла глыба мрамора. На этой глыбе железная наковальня, а в неё по рукоять всажен обнажённый меч. На глыбе мрамора золотом горит надпись:

Кто вырвет меч из железных теснин,
Тот законный Британии властелин.

Архиепископ Кентерберийский разослал вестников по всей стране.

¹ Турниры, или «примерные бои», возникли из старинных военных игр и состязаний. Впервые они вошли в моду в XI веке во Франции. В турнирах рыцари бьются один против одного (джуста) или же ведётся бой между двумя отрядами. Надо было усидеть в седле самому и выбить противника из седла тупым концом копья, но, если решался вопрос чести, вызывали на смертный поединок.

Торжественно прибыли в столицу король Лот и король Леодегранс. Хотел король Леодегранс взять с собой свою красавицу дочь Гиневру. Но она ещё мала, девочке всего восемь лет, рано ей ещё смотреть на рыцарские забавы.

Во главе многочисленной свиты въехал в Лондон король Уриенс. Жена его — властолюбивая и коварная фея Моргана, дочь короля Утера Пендрагона. В каждом глазу у неё по девять зрачков. Глянет — холод побежит по спине. Владеет она тайнами колдовства и чернокнижия.

Вокруг наковальни всегда толпа народа. Десять рыцарей день и ночь несут почётную стражу — стерегут чудесный меч.

Но настал наконец день турнира.

Посреди галереи на высоком помосте восседают, сверкая золотом и драгоценными камнями, короли и королевы, и среди них гордая фея Моргана.

— Что скажешь, Мерлин? — спросила Моргана. — Знаешь ли ты, кого избереёт меч? Короля Лота? Или супруга

моего — короля Уриенса? Или, может быть, глупого толстяка Кларiona?

Но Мерлин только молча улыбнулся.

Приехал на турнир и старый рыцарь сэр Эктор, прозванный Верным за то, что всегда нерушимо хранит своё слово. Старший сын его Кэй недавно посвящён в рыцари. Младший, Артур, служит при брате оруженосцем.

Собираясь на турнир, совершил Кэй неслыханную оплошность. Второпях взял старый отцовский меч — весь в зазубринах. Едет Кэй на турнир в доспехах, изукрашенных золотой насечкой. Оруженосец, юноша Артур, везёт вслед за своим старшим братом длинное копье и рыцарский щит¹.

¹ Будущий рыцарь рано начинал нести службу при своём феодальном господине — сначала как паж, потом, лет с пятнадцати, как конюший или оруженосец. Оруженосец должен был помогать господину и заботиться о его оружии, например иметь наготове запасное оружие. Он следовал за господином даже в битве.

Тут вздумалось Кэю вынуть меч из ножен. Вынул — и увидел сломанный клинок.

Вскрикнул от ужаса Артур. Винит себя — недоглядел он.

— Милый брат, — умоляет Артура Кэй, — помоги мне, достань исправный меч. Вот тебе кошель золота — купи у оружейников. Но не возвращайся без меча!

Изо всех сил погнал своего коня Артур.

Сам не ведая как, очутился Артур на площади. Посреди площади стоит наковальня с чудесным мечом, и никто не сторожит его — все на турнире.

Не раздумывая долго, Артур проворно вскочил на камень, ухватился за рукоять меча и дёрнул его что было силы. Чуть не упал он навзничь — так легко вышел меч из железной наковальни. Какая удача! Скорее на коня и на ручку к брату.

Подскакал на коне Артур, сияя радостью, с великолепным мечом в руках и подал меч своему брату. Взглянул Кэй

на рукоять меча, а на ней сверкает надпись:

Кто вырвет меч из железных теснин,
Тот законный Британии властелин.

Сразу позабыл Кэй о турнире.

— Беги, Артур, за нашим отцом, сэром Эктором, и проси его немедля поторопиться сюда.

Поспешно подъехал к нему старый рыцарь вместе с Артуром:

— Что с тобой, Кэй? Отчего ты не на турнире? Позор для рыцаря уклониться от встречи с противником.

— Отец, до того ли мне? Я — король Британии. Я теперь законный король Британии! Взгляните на этот меч!

Но сэр Эктор зорко взглянул в лицо сына:

— Как ты добыл этот меч? Говори!

Не сразу ответил Кэй, с запинкой и неохотой:

— Мне принёс его Артур.

Тогда сэр Эктор преклонил колено пред Артуром:

— Приветствую тебя, повелитель!

— Что вы, что вы, отец мой! Встаньте скорее! — отшатнулся в испуге Артур. — Ведь я ваш сын!

— Теперь я всё понял, Артур, ты — законный король Британии. И ты, сэр Кэй, опустишь на колени перед своим королём.

— Как, мой младший брат — король? — уныло спросил Кэй и, немного помедлив, тоже встал на колени.

Тем временем пришёл конец турниру. Победители, окружённые толпой, шумно поспешили на площадь к наковальне с заветным мечом. Загодя успел Артур возвратить меч на место, а сам отошёл в сторонку.

Рядом с наковальней стоит архиепископ Кентерберийский со своей свитой. Сверкают на солнце кресты и ризы. Вокруг него сотни рыцарей и баронов.

Получив благословение архиепископа, один за другим пробуют вытащить меч прославленные рыцари. Но даже немного сдвинуть меч с места не удаётся никому.

Крепкая рука у короля Лота, но и ему не поддался меч.

Когда подошёл к камню король Уриенс, зелёным огнём вспыхнули глаза феи Морганы. А её губы неслышно шептали заклинание:

— Меч, меч, выйди из наковальни...

Но и королю Уриенсу не покорился меч.

Обвёл взором толпу смущённых рыцарей архиепископ Кентерберийский и горестно молвил:

— Всё напрасно! Ужели никто не вынет меч?

Вдруг на площади появился старик в тёмном плаще. Это был сам волшебник Мерлин.

— Позволь этому юноше попытаться счастья, — попросил Мерлин. — Имя его Артур. Он ещё не рыцарь, но будем снисходительны к нему.

Архиепископ мельком взглянул на юношу и неохотно кивнул головой.

Одним лёгким прыжком вскочил Артур на глыбу мрамора. И без труда вырвал меч из наковальни.

Крики восторга огласили площадь.

— Теперь могу я открыть вам великую тайну! — громким голосом возгласил Мерлин. — Знайте, этот юноша — сын короля Британии Утера Пендрагона и королевы Ингрейны. Он законный наследник трона! Когда погиб король Утер и скончалась королева Ингрейна, я тайно увёз ребёнка из королевского замка, чтобы оберечь его от врагов и злобных завистников. Совершит Артур так много подвигов, как ни один король на свете. Покроет он славой Британию.

— Чудо, чудо! Вот он избранник, король Британии! Теперь конец смуте! — ликовала толпа.

Только король Лот и король Уриенс вскочили на своих коней и ускакали, полные злобы и гнева.

На другой же день Артур был посвящён в рыцари и коронован. Всех королей, герцогов и баронов позвал он к себе на пир, потому что хотел Артур мира и согласия в стране. Но короли Лот и Уриенс не приняли его приглашения и велели сказать ему:

— Один лишь подарок получишь ты от нас: удар острого меча.

И вот одиннадцать непокорных королей во главе с Лотом и Уриенсом привели свои войска к стенам Камелота¹.

Но и у короля Артура немало сторонников. Все честные и благородные рыцари собрались под его знаменем.

— Смело идите в бой, король, — напутствовал Мерлин короля Артура перед сражением. — Бейтесь вашим рыцарским мечом, а чудесный меч, который вы вынули из железной наковальни, обнажите только тогда, когда будет грозить вам неминуемая гибель. Лежит на нём заклятие: лишь однажды может послужить он в битве королю Британии.

И началась битва. Лот и Уриенс — опытные воины, но отважен, как лев, молодой Артур, и непросто одолеть его.

¹ Предполагают, что замок Камелот (Камаллат) стоял у реки Кам, возле Гластонбэри, в Южной Англии. В настоящее время там ведутся раскопки. Обнаружены остатки зданий, возведённых, возможно, в V—VI веках.

Наступают сумерки, а ни одна сторона ещё не добилась победы.

Наконец увидел Артур, что оттеснены его рыцари, только верный оруженосец ещё с ним, а врагам нет числа.

Тогда велел он оруженосцу подать ему чудесный меч. Высоко вознёс он меч над головой. Ярче солнца засиял меч, и в страхе обратились в бегство враги, ослеплённые его блеском.

Так совершил король Артур свой первый воинский подвиг.

— Прощай, мой добрый меч, — сказал король Артур. — Один раз ты спас меня и больше не можешь мне служить. В знак благодарности за победу я отвезу тебя в сокровищницу Кентерберийского храма!

Блеснул клинок меча, будто скатилась по нему слеза...

Шли годы. Мудро и справедливо правил король Артур.

Однажды собрались рыцари на праздничный пир в королевском замке Камелот. Но вдруг смолкли весёлые голоса и слышались возгласы удивления.

В пиршественную залу вошёл белый конь, один, без седока. Белая попона на нём потемнела от пота, изорвана, запятнана кровью. Остановился конь перед королём Артуром и звонко топнул копытом.

— Этот конь просит о помощи! — воскликнул король. — Что-то, верно, случилось с его господином!

Он вскочил на белого коня, а тот радостно вскинул голову, громко заржал и большими скачками помчался вниз по ступеням каменной лестницы. Артур бросил поводья — пусть конь несёт его куда знает. Конь замедлил свой бег на опушке леса.

И тут король Артур увидел печальное зрелище. На траве лежал тяжело раненный рыцарь. Конь подошёл к нему и застонал, как человек в сильном горе. Король Артур спешился и приподнял голову молодого рыцаря.

— Кто ты? Что случилось с тобой? — спросил он.

Рыцарь вздохнул и тихо заговорил:

— Чёрный рыцарь... Он сразил меня, как многих других. И повесил на дереве мой щит на позор и посмеяние. Вот что мне больней всего! Я мечтал овладеть мечом Эскалибур, но всему конец...

— Кто бы он ни был, этот Чёрный рыцарь, я отомщу за тебя! — вскричал в гнев король Артур.

На поляну выехали воины короля Артура. Он поручил раненого рыцаря их заботам.

Король Артур потрепал белого коня по взмыленной шее:

— Послушай, конь, ты умный и верный друг. Неси же меня туда, где Чёрный рыцарь ранил твоего господина.

Белый конь громко заржал и помчался вскачь по лесной тропинке. Конь вынес Артура на просторный зелёный луг. Он полого спускался к озеру.

Никогда Артур не видел такого прекрасного озера. Со всех сторон его окружали зубчатые скалы, и оно лежало словно в каменной чаше. Вода в озере была столь прозрачна, что видны были

на дне все камешки, и они сверкали, как драгоценности.

Вдали Артур увидел остров, весь увитый туманами. Показалось ему, поднимается из голубой дымки прекрасный замок, словно сотканный из облаков.

Огляделся Артур и увидел: растёт на берегу высокая ветвистая яблоня. На ней висели десятки щитов, пробитых копьём, окровавленных, изрубленных мечом. Никогда ни одно дерево не приносило столь страшных плодов! Артур с удивлением узнал гербы и девизы многих знаменитых рыцарей.

Послышался тяжёлый топот копыт, и навстречу королю медленно выехал рыцарь на чёрном коне и в чёрных доспехах. Он был так велик ростом, что напоминал дуб, опалённый молнией.

Чёрный рыцарь осадил коня и крикнул:

— Мальчишка, отдай мне свой щит добром, я повешу его на ветвях яблони. Иначе я возьму его с бою, и тогда пеняй на себя!

— Знай, я здесь, чтобы биться с тобой, — ответил король Артур. — Скоро на этой яблоне будет висеть всего лишь один щит — твой собственный!

Оба рыцаря разъехались в разные концы поля и, разогнав своих коней, сшиблись с такой силой, что земля содрогнулась. Копья разлетелись в щепы, а кони едва устояли на ногах.

— Кто ты? Я не встречал ещё такого противника! — воскликнул, нахмурился, Чёрный рыцарь.

Спешились рыцари, рубятся на мечах, обливаясь кровью.

То один берёт верх, то другой. В голову и грудь ранен король Артур, но не чувствует он тяжести своих ран, разгорячённый боем.

Изловчился король Артур, ухватил своего противника за пояс и швырнул на землю. Повержен Чёрный рыцарь, и король наступил ему коленом на грудь. Вот она, желанная победа!

— Я понял, ты король Артур, — глухо проговорил Чёрный рыцарь. — Молю, пощади меня!..

— Дарю тебе жизнь, но исполни моё повеление, — сказал король Артур. — Ступай к архиепископу Кентерберийскому. Босой, в простой рубахе, с непокрытой головой. В присутствии всех рыцарей покайся в своих злодеяниях. И скажи, что победил тебя король Артур.

Мрачнее тучи поднялся с земли Чёрный рыцарь, и таким же чёрным, как доспехи, стало его лицо.

Подошёл Артур к яблоне, один за другим снял висящие на ней щиты. В тот же миг распрямила яблоня ветви и вся покрылась бледно-розовыми цветами, словно в благодарность, что избавилась от своей позорной ноши.

Хотел Артур вложить свой меч в ножны и тут с тревогой увидел, что меч его весь в зазубринах, а клинок, того гляди, отломится от рукояти.

— Не печалься, рыцарь! — послышался певучий тихий голос.

Вздрогнул король Артур и видит: стоит перед ним на озёрной волне прекрасная дева в изумрудно-голубых

одеждах. Волосы вьются, как струи водопада, на голове жемчужная диадема.

— Кто ты? — спросил изумлённый Артур.

— Я фея озёрных вод Нимуэ. Замок мой на волшебном острове Авалон. Смотри, король Артур, сейчас ты увидишь бесценное сокровище, о котором мечтают все прославленные рыцари.

Фея Нимуэ тихо улыбнулась, и в этот миг из глубины прозрачного озера появилась прекрасная женская рука в драгоценных браслетах. Она держала ослепительно сверкающий меч в золотых ножнах.

— Это меч Эскалибур, — торжественно сказала фея Нимуэ. — Нет ему равного на свете. Чёрный рыцарь возмечтал завладеть им, но всякий раз уходил чудесный меч под воду. Не могли преступные руки прикоснуться к нему. Поэтому с такой яростью и злобой кидался Чёрный рыцарь на каждого, кто хотел добыть меч Эскалибур. Но знай — только рыцарь без страха и упрёка достоин владеть им!

Смотрит Артур — у берега резная ладья. Артур прыгнул в неё, и ладья сама по себе поплыла туда, где женская рука в браслетах подняла над водой меч Эскалибур.

«Достоин ли я?.. — закралось в сердце сомнение. — Но клянусь, этот меч послужит только доброму делу!»

И в тот же миг прекрасная рука протянула ему сверкающий от влаги и драгоценностей меч.

С благоговением взял меч король Артур и поцеловал его рукоять.

— Мы ещё встретимся... — слышался певучий голос феи Нимуэ.

Смотрит Артур — всё исчезло как навяждение. Скрылась, словно растаяла, прекрасная фея Нимуэ, нет у берега золочёной ладьи. Только заветный меч у него в руке.

С трудом сел Артур на белого коня и впервые почувствовал боль от раны в плече, нанесённой Чёрным рыцарем. Сочится кровь сквозь кольчугу, стекает на седло, одолела его слабость.

Плавно ступает конь по лесной тро-

пинке, осторожно перешагивает через переплетённые корни столетних дубов.

Выехал Артур на опушку леса, спешился, тут оставили его силы, и он без чувств упал на траву.

В это время где-то неподалёку зазвенели девичьи голоса и смех. На поляну выбежала стайка нарядно одетых девушек. Впереди — красавица с длинными волосами цвета пчелиного мёда, перевитыми нитками жемчуга.

— Смотрите, смотрите, тут лежит раненый рыцарь весь в крови! — Красавица наклонилась над Артуром, и её длинные золотистые волосы упали ему на лицо.

Король Артур открыл глаза. Никогда не видел он девушки столь дивной всепобеждающей прелести.

— Скажи мне, ты, верно, небесный ангел? — спросил король Артур слабым голосом.

— Что ты, что ты, грех так говорить! — ответила девушка. — Я Гиневра, дочь короля Леодегранса. Но что нам делать? Ты тяжко ранен.

— Боль прошла, как по волшебству. — Артур с трудом приподнялся на локте. Но тут же мертвенная бледность покрыла его лицо.

— Он умирает! — Гиневра в отчаянии стиснула руки. — А до замка далеко. Он истечёт кровью...

И в тот же миг Гиневра вскрикнула и вскочила на ноги. Что это? Раненый рыцарь бесследно исчез...

И правда, где же король Артур?

А король Артур уже в замке Камелот в своей опочивальне. В мгновение ока перенёс его туда волшебник Мерлин. И чудесный меч Эскалибур лежит возле правой руки короля.

— Приди в себя, мой юный друг, выпей глоток. — Мерлин поднёс к губам Артура кубок с живительным настоем. Он, посмеиваясь, посмотрел на короля. — Ну-ка, ответь мне, старику, кто лучший целитель: я или госпожа Гиневра?

— Лучше скажи, как я тут очутился? — с удивлением спросил король Артур.

— А, стоит ли говорить, — махнул рукой Мерлин. — Одно волшебное заклинание, и ты тут.

Король Артур соскочил со своего ложа.

— Благодарю тебя, верный друг, я опять здоров и невредим. Но где она, где она?

— Не спрашиваю тебя, о ком ты говоришь, сам знаю, — с доброй улыбкой посмотрел на короля Мерлин. — Что ж, посылай к ней послов со свадебными дарами. Отец её горд и тщеславен. Он поклялся отдать Гиневру только за самого могучего короля. Но тебе, король Артур, ясное дело, он не откажет.

Король о чём-то глубоко задумался и нахмурил брови.

— Нет, Мерлин, другого жаждет моя душа, — ответил Артур. — Я полюбил принцессу Гиневру навек, ещё не зная, кто она. И хотелось бы мне, чтоб она полюбила меня, не ведая, кто я. Но как мне встретиться с ней наедине, чтобы меня никто не узнал? Я хочу видеть её как можно скорее, сейчас же!

— Так и быть, — кивнул Мерлин, — я помогу тебе. Вот волшебное кольцо. Видишь, как сверкает синий камень? Запомни хорошенько, что я скажу. Надо надеть кольцо на безымянный палец и повернуть его один раз. Слышишь, король, всего один раз, не больше. Потом прикажи волшебному кольцу отнести тебя, куда пожелаешь, и оно тут же исполнит твоё повеление. Но горе тебе, если ты в забывчивости повернёшь кольцо хотя бы два-три раза. Волшебные силы разгуляются, разойдутся, тебе уж не справиться с ними. Очутишься неведомо где... Запомнил, Артур?

Король Артур надел волшебное кольцо на палец.

— Неужели я сейчас увижу принцессу Гиневру?.. — в волнении прошептал он.

— Что ты делаешь? Ты повернул кольцо два раза! — Мерлин хотел было удержать Артура за руку, но могучий вихрь пронёсся по зале — король Артур исчез...

...Артур с силой ударился о землю, с трудом поднялся на ноги, стряхивая с колен раскалённый песок. В лицо его пахнуло нестерпимым жаром пустыни. Он огляделся. Вокруг ни травинки, ни деревца, только высится одна неприступная скала, вся в глубоких трещинах, мрачная и угрюмая.

«Эк куда меня занесло! — в досаде и огорчении подумал Артур. — Скорее назад...»

Артур уже взялся рукой за кольцо, но в этот миг из-за песчаного холма появилась процессия всадников на прекрасных арабских конях. Впереди ехал почтенный старец в богатых одеждах, на голове высокий тюрбан, осыпанный алмазами. Старик испускал печальные стоны.

— О горе, горе! — вторили ему спутники.

— Что случилось, благородный властитель? Скажи! — спросил Артур.

— Кто б ты ни был, чужеземец, я вижу, ты полон сострадания к нашей беде. Я султан Магрифский. Ведай же,

в пещерах этой горы жил в стародавние времена страшный дракон. Летал он по всему свету и похищал, где только мог, редчайшие драгоценности. Ими украшал он свою любимую дочь Драконду. Год назад издох проклятый дракон, какое было ликование! Да только радость наша длилась недолго. Дочь старого чудовища Драконда возомнила себя несравненной красавицей. Из ревности и зависти похитила она всех пригожих девушек моего царства. Заточила бедняжек в подземелье, бьёт плетью, морит голодом. А сегодня Драконда прислала своих слуг и велела передать: ровно в полдень разинет она пасть, дохнёт огнём и спалит всех девушек-красавиц. А полдень уже близок... — Тут старец в печали поник головой.

Король Артур вытащил из ножен меч Эскалибур, спрятал его под складками плаща и бегом бросился к скале Драконды.

— Остановись, чужеземец! — крикнул ему вслед старый султан. — Драконда спалит тебя огнём, ты погибнешь!

Но Артур словно не слышал его. Он подбежал к скале и крикнул:

— Драконда, появись!

— Э, да вроде ко мне пожаловал желанный гость! — послышался хриплый звериный голос.

Острые скалы раздвинулись, и взору Артура открылась огромная пещера. Пол её был устлан порфиром, стены выложены мрамором. Кругом грудами лежали сверкающие драгоценности. Из пещеры, вращая круглыми глазами, царапая порфир когтистыми лапами, выползло чудовище, всё покрытое медной чешуёй. На бугристом лбу блестела диадема, толстая шея была обвита бесчисленными бусами, узорными золотыми цепями.

— Ну что, юноша, налюбовался моей красотой? — прохрипела Драконда. — Видно, внезапная любовь приковала тебя к месту!

— Да, никогда я не видел ничего подобного тебе, — скрывая гнев и омерзение, сказал король Артур.

В тот же миг, как молния, сверкнул меч Эскалибур. Безобразная голова

Драконды со стуком покатились по плитам порфира.

Из подземелья с криками радости выбежала толпа девушек. Султан прослезился от счастья.

— Все драгоценности Драконды твои, отважный юноша! — сказал расстроганный султан. — Бери, бери всё, что ты видишь.

Артур хотел было уже отказаться, но вдруг внимание его привлекло сияющее сапфировое ожерелье.

Ожерелье показалось ему странно знакомым.

«Может, когда-то я видел его во сне?» — подумал король.

— Я возьму только это ожерелье, если позволишь, — промолвил Артур и, уже не слушая слов благодарности, повернул кольцо.

— Гиневра!.. К ней, к ней... — прошептал он.

Налетевший вихрь поднял, закружил Артура, понёс...

И в тот же миг он очутился в цветущем саду короля Леодегранса.

Гиневра стояла возле куста роз. Принцесса показалась Артуру ещё обворожительней и прекрасней, чем тогда, на лугу.

— Ты жив и невредим! — радостно воскликнула Гиневра и добавила, чуть помедлив: — Но кто ты, незнакомец, и откуда?

— Я бедный странствующий рыцарь, — ответил Артур. — Но, поверь, я уже успел не раз доказать свою доблесть. Не гневайся, пока я не могу открыть тебе своего имени. Но клянусь тебе, прекрасная госпожа, отныне и навсегда ты владычица моего сердца!

— Кто бы ты ни был, рыцарь... — начала Гиневра и умолкла, опустила глаза, чтоб скрыть их счастливый блеск.

— А вот тебе скромный дар из страны султана Магрифского. — Артур протянул Гиневре сияющее ожерелье.

— Как ты угадал, что сапфиры мои любимые камни? — Гиневра посмотрела на Артура глазами, полными любви.

В это время король Леодегранс вышел погулять в сад. И что же он увидел?

Его дочь, прославленная красавица Гиневра, нежно беседовала с незнакомым рыцарем в изрубленной кольчуге и рваном плаще.

— Ты же знаешь, дочь моя, я поклялся, что выдам тебя замуж только за прославленного короля! — вне себя от гнева закричал Леодегранс. — А ты здесь, как простая поселянка, любезничаешь с каким-то бродягой, нищим!

— Никому другому не отдам своего сердца! — гордо возразила Гиневра. — Запри меня хоть в монастырь, хоть в башню!

— Ну-ну, все девушки так говорят, — пробормотал король и вдруг замер от изумления. — А это что за ожерелье? Отвечай, дочь моя! Откуда оно?

— Мне принёс его в дар этот рыцарь! — промолвила Гиневра.

— Вот как! Да он к тому же ещё вор, грабитель с большой дороги! — От возмущения Леодегранс с трудом находил слова. — Это же знаменитое ожерелье королевы Ингрейны, матери самого

короля Артура! Что молчишь, проходимец?

— А я и есть король Артур, — негромко и спокойно ответил юный рыцарь.

— Украл ожерелье, теперь хочешь присвоить себе ещё и столь высокое имя! — Глаза короля метали молнии.

Внезапно рядом с королём Артуром, неведомо откуда, возник волшебник Мерлин. Он коснулся рукой плеча короля Артура, и в тот же миг старый, потёртый плащ превратился в пышную горностаевую мантию. На голове юного рыцаря засияла корона. А на груди блеснул осыпанный алмазами герб Утера Пендрагона.

— Я навеки полюбил прекрасную Гиневру, король Леодегранс! — с трудом справляясь с волнением, сказал Артур. — Смиренно прошу у тебя её руки.

— Дайте отдышаться старику, — еле выговорил король Леодегранс. — Пажи, чарку вина! Надо же хоть немного прийти в себя. Что ж, я согласен. Да хранит вас Бог!

Через две недели в Кентерберийском соборе были обвенчаны принцесса Гиневра и король Артур. Четыре короля держали над ними золотые венцы. Архиепископ торжественно надел им на пальцы обручальные кольца.

А потом в окружении гостей и пышной свиты, под радостные крики народа они приехали в замок Камелот.

Счастливы были король Артур и Гиневра. Каждый день дарил им новые радости.

Прошло какое-то время, и вот однажды король Артур призвал к себе волшебника Мерлина.

— Послушай, мой старый верный друг, — сказал король Артур. — Скоро праздник Пресвятой Троицы. Хотелось бы мне пригласить в Камелот всех самых прославленных и преданных мне рыцарей. Но вот что меня смущает и печалит. Каждый из них хочет сесть на самое почётное место. Те же, кому достанется место на дальнем конце стола, сидят насупившись, глядят исподлобья. И начинаются между ними распри и ссоры.

Ничего не ответил Мерлин, но только поманил за собой короля Артура.

Подвёл он его к дверям пиршественной залы и широко распахнул их. И что же увидел король Артур?

Посреди залы стоял огромный круглый стол. Он был весь украшен узорами из многоцветного дерева. Были тут изображены и диковинные птицы, и крылатые звери, и рыцари, бьющиеся на мечах.

— Заметь, король, — с улыбкой сказал Мерлин, — за этим столом могут пировать сто пятьдесят рыцарей, и все места одинаково почётны, равны между собой.

В день Пресвятой Троицы было великое веселье в замке Камелот. За круглым столом сидело много прославленных рыцарей. Круглый стол ломился от яств, слуги обносили гостей заморскими винами.

Только солнце коснулось вершин холмов, в пиршественный зал вошла фея Моргана, а за ней четыре её сына. Лицом и статью походили они на своего деда Утера Пендрагона.

Король Артур радостно воскликнул:

— Сразу узнаю вас, вы мои племянники, моя родная кровь!

Мальчики с восторгом смотрели на знаменитых на весь свет рыцарей и на круглый стол короля Артура.

— Я привела вас сюда, чтоб вы знали, кого вам ненавидеть всю жизнь, — прошептала фея Моргана. Сверкнули её страшные бездонные глаза с девятью зрачками в каждом. — А теперь пора возвращаться, мы уходим. За мной, сыны мои!

— Нет, матушка, мы хотим остаться здесь! — взмолился младший из сыновей, а старшие согласно закивали головами. — Нам так пришёлся по душе наш дядюшка король Артур!

— Сманил, сманил моих сыновей! — не помня себя, крикнула Моргана. Она отступила назад. Ещё шаг — и вдруг фея Моргана исчезла, словно растворилась в тени высокой колонны.

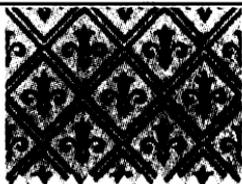
Тут встал волшебник Мерлин, и все смолкли. Странно-торжественно зазвучал его голос:

— Знай, король Артур, много великих подвигов совершишь ты. И будет имя твоё прославлено повсюду. И вы, рыцари Круглого стола! Певцы воспоют ваши подвиги и победы. Сейчас я открою тебе, король Артур, тайны твоей будущей жизни. Но как только смолкнет мой голос, вы забудете всё, что я сказал, ибо не дозволено смертному человеку знать свою судьбу. Ты, король Артур, вспомнишь мои слова, только когда свершится моё предсказание. Пройдут годы, и наступит час беды и предательства. Ты будешь тяжело ранен. Но тогда смягчится сердце твоей сестры феи Морганы, проснутся в нём любовь и сострадание. Она увезёт тебя в золочёной ладье на волшебный остров Авалон, всегда увитый туманами. Долгие столетия ты будешь спать, пока не разбудит тебя внезапный удар колокола. Он возвестит, что грозная опасность нависла над страной и зовёт Британия своего короля...

Умолк Мерлин. В растерянности глядят друг на друга рыцари, словно силятся что-то вспомнить и не могут.

Хлынули солнечные лучи в высокие стрельчатые окна, тёплый свет озарил пиршественную залу.

По знаку короля Артура четыре пажа поднесли ему меч Эскалибур. Один за другим стали подходить к нему прославленные рыцари. Они преклоняли колени и целовали рукоять чудесного меча. А имела рукоять вид креста, и только касались её губы рыцаря, как на короткий миг вспыхивала на ней золотая надпись: «Верность и милосердие».

Лоэнгрин

Умер старый герцог Брабанта и Лимбурга¹. Оставил он после себя юную дочь Эльзу, наследницу всех его владений.

Едва отзвучал погребальный плач, как подняли головы непокорные вассалы. Каждый из них втайне мечтает стать правителем этого богатого края.

Тревожно стало в замке Анвер. Только о том и говорят: не может слабая девушка править страной. Кто станет её супругом и защитником Брабанта?

¹ Браба́нт и Лѝмбург — старинные феодальные княжества. Располагались на территории нынешних Бельгии и Голландии.

Красавицей из красавиц была Эльза. Глаза её были прозрачней лесного ручья, а светлые косы, перевитые жемчугом, падали до самых пят. Певцы славили её красоту и добрый нрав, рассказывали о её несметных богатствах.

Отовсюду потянулись к Анверу именитые рыцари просить руки герцогини Эльзы.

И когда выходила она к гостям, все видели: не солгала молва и ничего не прибавила. Но ни с чем отбывали назад женихи.

Всем отказ. Молчит сердце Эльзы, а разум здесь не советчик.

С многочисленной свитой прибыл в замок прославленный рыцарь Фридрих фон Тельрамунд. В дальнем походе узнал он о смерти герцога Брабантского и поспешил в Анвер. Грозен видом рыцарь Тельрамунд. Огромный, тучный, выше всех ростом. Поступь тяжёлая; кажется, каменный пол качается, когда он идёт по залам и переходам замка.

Никто не мог победить Тельрамунда на турнире, и в битве он всегда впереди

других. А с тех пор как в горах Швеции убил он дракона, его слава возросла ещё больше.

В замке Анвер в присутствии всех рыцарей и баронов Брабанта и Лимбурга объявил Тельрамунд, что ему по чести и по праву принадлежит рука Эльзы.

— Слушайте меня, благородные бароны! В день, когда герцогине Эльзе исполнилось пятнадцать лет, призвал меня к себе герцог Брабанта. «Чувствую я, что дни мои сочтены, — сказал он. — Будешь ты супругом и защитником дочери моей Эльзы». С этими словами соединил он наши руки. Оба мы — я и герцогиня Эльза — поклялись исполнить его волю. Готов я сдержать своё слово, с тем и прибыл сюда.

Удивились ближайшие советники герцогини Эльзы. Никогда не говорил им старый герцог о том, что просватал свою дочь за Тельрамунда. Беда Брабанту, если станет Тельрамунд его правителем. Жесток и алчен Тельрамунд. Да полно, правда ли это?

Все посмотрели на герцогиню Эльзу, все ждут её ответа.

Белее зимнего снега стала Эльза. Поднялась она с трона и, вся дрожа, оперлась на руку старой кормилицы.

— Никогда ещё не слыхала я столь лживых речей! Сватался ко мне граф Тельрамунд год назад, но отец мой ответил ему отказом. «Храбрый он рыцарь, но сердце у него жестокое. Никогда не отдам я свою дочь замуж за Тельрамунда!» — вот что сказал мой отец, и в том я клянусь.

Тельрамунд сделал шаг вперёд и обнажил свой меч:

— Ни слова не солгал я. А ты, благородная госпожа Эльза, опомнись и устыдись. Зачем порочишь ты свои юные уста ложной клятвой? На своём рыцарском мече клянусь я: дала ты согласие стать моей женой.

Зашумели, заволновались бароны и рыцари. У многих не лежало сердце к Тельрамунду. Но поклялся он на мече. Разве можно не верить этой клятве, священной для каждого рыцаря?

— Скоро должен прибыть в Антверпен король Генрих Птицелов¹. Самого короля попрошу я рассудить нас, герцогиня Эльза, — сказал Тельрамунд. — Справедлив король: он накажет тебя, клятвопреступница, и отдаст то, что принадлежит мне по праву. Пока не поздно, одумайся, Эльза!

Но, взглянув на Тельрамунда, без чувств упала юная Эльза. Придворные дамы унесли её.

Прошло немного времени, и в ясное воскресное утро затрубили трубы на башнях Анвера, опустился подъёмный мост, и в замок въехал Генрих Птицелов во главе множества баронов и рыцарей.

Герцогиня Эльза вышла навстречу королю. С великим почётом провели его в тронную залу. Стал король расспрашивать, как было дело. Смело гля-

¹ Г е н р и х П т и ц е л о в — король Германии Генрих I (919—936). О нём сложилась легенда, что знаки королевской власти ему торжественно вручили, когда он был на своей любимой соколиной охоте, — отсюда его прозвище.

дел королю в глаза Тельрамунд, твёрдо стоял на своём.

А робкая девушка смутилась, бесвязны были её ответы, а потом и вовсе замолчала и только заливалась слезами.

И тогда сказал король:

— Долг мой узнать истину, Эльза, герцогиня Брабанта. Через три дня на берегу Шельды состоится Божий суд¹. Пусть тот, кто верит в твою невиновность, сразится с графом Тельрамундом. Ищи себе защитника.

По всем дорогам поскакали гонцы. Во все близкие и дальние замки посла-

¹ Б ó ж и й с у д — назначался в Средние века в тех случаях, когда трудно было решить, кто прав, кто виноват. Чаще всего это был поединок. Считалось, что Высшие силы всегда обеспечат победу правому над лжецом и преступником. Если обвиняли женщину, она, конечно, сама с мечом в руке доказать свою невиновность не могла. Но за неё мог заступиться какой-нибудь рыцарь. Иногда обвинённого подвергали испытанию: например, заставляли держать в руке раскалённое железо, ходить по горячим угольям. Считалось, что невиновный ожогов не получит.

ла Эльза гонцов, но ни с чем вернулись они — не сыскалось защитника для Эльзы. Даже старые друзья отца не захотели прийти к ней на помощь.

На третий день шумом наполнился широкий луг около Анвера. По всей стране прошёл слух: будут судить юную герцогиню. Все собрались сюда, от мала до велика. Под зелёным дубом сидел король Генрих Птицелов, кругом теснились рыцари и оруженосцы, а дальше, до самого берега Шельды, шумела толпа. Вдруг разом все умолкли.

В тёмных воротах показалась Эльза в простом белом платье. Её светлые волосы были распущены и волнами падали до земли. Ни одного украшения не надела Эльза. Пусть не говорят люди, что спрятан на ней колдовской талисман.

Шёпот пробежал по толпе. Одни жалели юную герцогиню, а другие говорили: «Виновна она. Нарушила клятву».

Спустилась Эльза с холма на луг, опираясь на руку старой кормилицы, и остановилась перед королём.

Махнул рукой король Генрих Птицелов, и по его знаку выступили из толпы трубачи. Вскинули длинные трубы и затрубили, повернувшись на все четыре стороны света. Назад отступили трубачи. На середину луга вышли герольды в пёстрых одеждах.

— Кто вступится за честь герцогини Эльзы Брабантской? — громко возгласили герольды.

А потом наступила полная тишина, и этой тишины испугалась Эльза. Вздрыгнула она, подняла голову.

Стоит она одиноко посреди луга. Взглядом прося защиты, посмотрела Эльза на седых баронов, на короля Генриха. Все они опустили глаза.

Значит, никто ей не верит. Даже самые преданные вассалы. И поняла Эльза: нет у неё защитника. А если никто не заступится за неё, не захочет сразиться с Тельрамундом, признают её виновной, и тогда ждёт её страшная кара за клятвопреступление.

С тоской посмотрела Эльза вдаль, на тёмный лес, на реку Шельду, как бы прощаясь с ними.

Вдруг смотрит Эльза, глазам своим не верит: плывёт вверх по Шельде белоснежный лебедь и везёт за собой золочёную ладью. Всё ближе и ближе лебедь, и вот уж он подплыл к берегу. И увидели люди: спит в ладье юный рыцарь.

— Чудо! Чудо! — закричали все.

К реке бросилась толпа. Стали люди звать рыцаря, но не пошевелился рыцарь, погружённый в глубокий сон.

Тут к ногам Эльзы опустился её любимый сокол, в клюве держал он золотой колокольчик. Взяла колокольчик Эльза и позвонила.

И тотчас проснулся рыцарь, встал и сошёл на берег.

Ярко сверкнули на солнце его меч и щит.

Ни один человек из тех, кто стоял на берегу, не знал этого прекрасного светловолосого рыцаря. Никто никогда не видел его герба: серебряного лебедя на лазоревом поле.

Весь цвет брабантского рыцарства собрался в тот день на лугу Анвера, но ни один из рыцарей не мог поспорить

красотой и благородством осанки с рыцарем Лебедея. Глаза его горели необыкновенным светом, и сам он словно светился.

— Позволь мне быть твоим защитником, Эльза, — сказал неизвестный рыцарь. — Ты невиновна. Своим мечом я докажу это!

И, сняв перчатку с правой руки, он бросил её к ногам Тельрамунда.

С ненавистью посмотрел Тельрамунд на рыцаря, но нагнулся и перчатку поднял.

По обычаю, развели их на разные концы поля.

Рослые оружейники помогли Тельрамунду облачиться в тяжёлые доспехи. И изумились люди: как огромен и страшен Тельрамунд в своих тёмных доспехах на широкогрудом чёрном коне. По знаку короля подвели рыцарю Лебедея белого скакуна.

Махнул рукой король Генрих. Затрубили в трубы герольды. И по их сигналу помчались навстречу друг другу Тельрамунд и рыцарь Лебедея.

С такой силой сшиблись противники, что кони их осели на задние ноги. Разлетелись в щепу ясеновые копыя.

Спешились рыцари, на мечах бьются они.

Не однажды случалось Тельрамунду разрубать противника от темени до пояса. Со свистом рассекает воздух его меч.

Молнии быстрее сверкает меч рыцаря Лебедея.

От лязга и звона оружия птицы покинули гнёзда. Долго кружились они над деревьями, не смея опуститься.

К вечеру стали иссякать силы обоих бойцов. Тяжело, как кузнечный мех, дышит Тельрамунд. Устал и рыцарь Лебедея.

И когда уже стало солнце уходить за башни Анвера, последний луч задержался на мече рыцаря Лебедея и, сверкнув на лезвии, будто вернул силы прекрасному рыцарю.

Страшный удар обрушился на Тельрамунда. Зашатался Тельрамунд, потемнело у него в глазах.

— Кончим бой — наступила глубокая ночь! — вскрикнул Тельрамунд и рухнул на землю. Лопнули ремни его шлема, далеко откатился шлем по траве.

— Чиста, чиста Эльза Брабантская! — прокатились радостные крики над широким лугом.

Рыцарь Лебедея приставил свой меч к горлу Тельрамунда.

— Ты оклеветал Эльзу Брабантскую, Фридрих фон Тельрамунд. Признаёшься ли ты в своей вине?

— Признаюсь, — глухо ответил Тельрамунд. — Пощади, рыцарь!

Повернулся рыцарь Лебедея к королю:

— Побеждён мой противник, пощады просит. Даруй ему жизнь, король.

— По справедливости смерти достоин Тельрамунд, — ответил Генрих Птицелов, — но ты волен решать сам, жить ему или умереть.

— Я оставляю тебе жизнь, Тельрамунд, — сказал рыцарь Лебедея, — но пусть отныне твой меч служит только доброму делу.

Двенадцать пажей подошли к Тельрамунду. С трудом подняли они своего господина, положили на носилки и унесли.

Радовались все вокруг Эльзы, но тревогой, страхом сжалось её сердце. Подумала она: «Что теперь будет? Вдруг уплывёт рыцарь? Чего ждёт лебедь у берега?»

Но тут сказал король Генрих Птицелов:

— Рыцарь, не покидай молодую герцогиню Эльзу. Сам посуди: может ли девушка, нежная и слабая, править страной, где мужчины много бражничают за столом, быстро хватаются за мечи, а родовые замки переходят из рук в руки, как игральные кости. Земля Брабантская устала от распрей. Сеятель не может сеять, потому что не знает, соберёт ли урожай. Рыцарь, хочешь ли ты взять в жёны Эльзу Брабантскую и быть ей защитником? А ты, Эльза, согласна ли стать его женой?

— Да, — тихо ответила Эльза.

Но молча стоял рыцарь, опершись на свой меч.

Наконец он прервал молчание и сказал Эльзе:

— Нет для меня большего счастья, чем стать твоим мужем. Но знай одно: я не властен открыть тебе своё имя. Навсегда останусь я для тебя рыцарем Лебеда. Можешь ли ты поклясться, что никогда не спросишь: кто я и откуда?

— Клянусь тебе, рыцарь! — торопливо сказала Эльза.

— Ещё раз подумай, Эльза, тяжела эта клятва.

— Клянусь, клянусь тебе, рыцарь! — повторила Эльза. — Никогда не спрошу я тебя, кто ты и откуда!

И лишь вымолвила она эти слова, как лебедь плеснул крылом и поплыл вниз по реке Шельде, увлекая за собой ладью.

Торжественно отпраздновали в замке Анвер свадьбу герцогини Эльзы и рыцаря Лебеда.

В пиршественной зале собралось триста знатных гостей. Сам король Генрих

остался в замке Анвер, хоть и ждали его неотложные дела.

На возвышении под балдахинном рядом с королём сидели молодые супруги. Никто никогда не видел четы прекрасней этой.

Счастливо жила Эльза с рыцарем Лебеда.

Нередко её муж уходил с другими брабантскими рыцарями в дальние походы. Воевал он с гуннами и сарацинами и стяжал себе великую славу.

Мир воцарился на земле Брабантской. Не смели больше нападать на неё враги.

Любят рыцари бранные потехи. Рыцарь Лебеда был первым и на турнирах.

Однажды возле прекрасного города Антверпена был устроен большой турнир. Девять рыцарей одного за другим вышиб рыцарь Лебеда из седла. Девятым был герцог Клевский.

На длину копья отлетел он и, падая, сломал правую руку.

С тех пор возненавидел герцог Клевский рыцаря Лебеда, а жена его,

надменная и тщеславная Урсула, только и думала о мести.

Радостно праздновали крестины в замке Анвер. У герцогини Эльзы родился прекрасный мальчик.

Веселье царило за столом, кравчие не успевали подливать вино в золотые и серебряные кубки.

Вдруг доложили Эльзе, что прибыла герцогиня Клевская. Порадовалась Эльза: значит, забыла Урсула старую вражду.

Распахнулись двери залы, и вошла Урсула Клевская в чёрном, как ночь, платье. Чёрная мантия стелилась за ней по каменным плитам.

Поняла Эльза: не с добром пришла герцогиня. Усадила она гостью за стол на почётное место. Чуть пригубила вина Урсула из золотого кубка.

— Поздравляю тебя, Эльза Брабантская, с сыном и наследником! — сказала она. — Но жаль мне тебя. Незавидна твоя судьба. Что ты ответишь сыну, когда он спросит тебя, как зовут его отца? Безродным вырастет твой сын. Не

будут ли спрашивать его злоречивые люди: «В какой лачуге рождён твой отец?»

Помертвела Эльза от неслыханной обиды и гордо ответила герцогине Клевской:

— Пусть неизвестно имя моего мужа, но он покрыл себя славой. Ни разу ещё не был он побеждён.

В ярости швырнула герцогиня Клевская золотой кубок на пол и вышла из пиршественной залы.

Когда же гости разошлись по своим покоям и Эльза с супругом остались вдвоём, сказал он ей:

— Дорогая, напрасно ты смутилась и опечалилась. Доверься своему чистому сердцу. Потому что любовь — это доверие во всём и до конца. Что для тебя людская злоба?

— Не для себя, мой супруг, я хотела бы всё знать. Сердце подсказывает мне, что ты высокого рода. Но хочу я бросить твоё знатное имя в лицо недругам нашим, чтобы никто не мог унижить тебя и моего сына!

Грустно и тревожно посмотрел на неё рыцарь.

— Но, Эльза, если человек чист душой, никакой навет не может его унижить. Вижу я, ты хочешь узнать мою тайну. Остановись, Эльза. Не спрашивай меня.

Опустила голову Эльза и замолчала.

На вторую ночь не выдержала Эльза:

— Вырастет у меня сын, что я скажу ему, когда он спросит: «Как зовут моего отца?»

И ответил рыцарь:

— Имя человека — не пустой звук. Имя человека — это его подвиги и добрые дела. Моя слава заменит нашему сыну моё имя.

Ничего не сказала на это Эльза. Но не успокоилось её сердце.

Что бы ни делала она в тот день, чем бы ни была занята, всё время не переставая думала только об одном: как узнать ей имя своего супруга?

Всё время неутомимо звучали в её ушах слова герцогини Клевской: «По-

чему скрывает своё имя рыцарь? В какой лачуге рождён он?»

А на третью ночь подумала Эльза: «Не будет нам счастья, пока я не узнаю всего. Эта тайна убивает нашу любовь».

Всю ночь мучилась Эльза и не спала.

Раз усомнившись, она уже не могла совладать с собой. И подозрения одно страшнее другого приходили ей на ум.

И наконец не выдержала Эльза.

— Кто ты? Откуда? Скажи мне! — спросила она.

Спросила — и сама испугалась, помертвела. Сорвались с губ страшные слова, назад не вернёшь. Она нарушила клятву. И, задрожав, упала Эльза к ногам мужа.

— Нет, нет, молчи! Не называй своего имени. Я верю тебе. И больше никогда ни о чём тебя не спрошу...

— Поздно, Эльза! — ответил рыцарь. — Ты задала вопрос и нарушила клятву. Теперь я не властен молчать. Завтра на лугу перед Анвером в присутствии всех рыцарей и баронов я всенародно назову своё имя.

Взошло солнце и отогрело старые башни Анвера. Проснулся замок. Слуги, служанки засновали по лестницам. Весёлой толпой вошли придворные, чтобы приветствовать герцогиню и её супруга.

Но не было на свете двух людей печальнее, чем Эльза и рыцарь Лебедея.

Снова зазвучали трубы на башнях Анвера, созывая всех собраться на лугу перед замком.

Удивились гости: почему созывают их в такой ранний, неурочный час? Что случилось в замке?

Вышли на луг герцогиня Эльза и рыцарь Лебедея. Бледнее своего белого покрывала была Эльза. Поняла она, что погибло её счастье.

И когда в ожидании все взоры обратились на рыцаря Лебедея, сказал он:

— Узнайте же всё. Имя моё Лоэнгрин. Отец мой — Парсифаль, король замка Монсальват. Великое сокровище хранится в этом замке: святая чаша Грааль. В ней собраны капли крови распятого на кресте Господа нашего Иисуса Христа. Невидим замок Монсальват

для грешных очей, и трудна к нему дорога. Только доблестный рыцарь, чистый духом, исполненный милосердия, может войти в этот замок. Он станет одним из рыцарей святого Грааля. Лишь долетит до Монсальвата весть, что где-то в мире творится несправедливость, кто-то нуждается в защите, Грааль посылает своего рыцаря на помощь. Бывает так, что спасёт он прекрасную девушку и они полюбят друг друга всем сердцем. Тогда может обвенчаться с ней рыцарь Монсальвата, и будут они счастливы до конца своих дней. Но его невеста должна дать нерушимую клятву, что никогда не спросит, как его имя, откуда он. Она должна довериться ему без сомнения и страха, как требует Грааль. Если же она нарушит клятву и спросит: «Кто ты?» — тогда рыцарь должен вернуться в свой далёкий замок Монсальват.

Горестно вскрикнула Эльза.

Приказал рыцарь принести маленького сына. Поцеловал он его и прижал к груди.

— Любимая, наступил час разлуки, — сказал Лоэнгрин Эльзе. — Сейчас мы с тобой расстанемся навсегда. Назови сына моего Лоэнгрином. Ему оставляю я свой меч и щит. Они будут хранить его в битвах. А тебе я оставляю на память кольцо своей матери.

— Лебедь, лебедь! — вдруг закричали в толпе.

И увидели все: плывёт белоснежный лебедь по реке Шельде к Анверу, везёт пустую ладью.

— Монсальват зовёт меня! — воскликнул Лоэнгрин. — Прощай, Эльза, я больше не могу быть с тобой.

Бросилась к мужу Эльза, обняла его. Лоэнгрин поцеловал её полные слёз глаза. Потом, бережно высвободившись из её рук, взошёл на ладью. И лебедь тихо поплыл по течению, увлекая ладью за собой.

И пока не скрылась ладья за поворотом, пока ещё могли они видеть друг друга, в невыразимой печали смотрела Эльза на Лоэнгрина и смотрел Лоэнгрин на Эльзу.

Юный Роланд

Замок короля Карла Французского стоял на крутом холме, заросшем мягкой зелёной травой. Был он сложен из глыб серого и розового камня. Двенадцать башен поднимались ввысь, и на каждой трепетал под ветром флаг с прославленным гербом короля.

В пиршественной зале собрались знатные гости. Лучи солнца потоками лились в высокие окна и замирали на колоннах из лазурита, поддерживающих изогнутые своды.

Столы ломились от заморских яств и старинных вин, немало пролежавших в глубоких подвалах. Проворные слуги

сновали по зале, пусть каждый гость выберет себе угощение по вкусу. Золотые кубки полны по края, об этом позаботились ловкие пажи.

Сто прославленных рыцарей окружают короля Карла. Трон короля украшен драгоценными камнями. Подлокотники — золотые львы, их глаза из крупных изумрудов казались живыми.

Король Карл ясным и спокойным голосом приветствовал своих гостей, каждого называя по имени. Но благородные пэры¹ Франции и графы, хорошо знавшие своего повелителя, прочитали на его лице скрытую печаль и тревогу. Что-то томит душу короля, но не хочет он ничем омрачить праздник своим гостям.

Тут выскочил вперёд любимый шут короля — Марло. Побрякивая бубенцами на колпаке, подскочил к королю.

¹ П э р — буквально: «равный» (королю), старший, самый влиятельный вассал. Двенадцать пэров в эпосе — лучшие воины в королевском войске.

— Послушай моего совета, дружок! — крикнул он королю Карлу. — Стукни как следует своим кубком о стол. Тогда все заботы посыпятся на землю, как сухие осенние листья. А заодно с ними все твои враги и недруги. Кто спит — бухнется с постели на пол, а кто ест — так, пожалуй, ещё и подавится...

И надо же такому случиться, что граф Ганелон как раз в это время подавился косточкой от перепёлки.

— Ну и грозен ты, король! Даже твой рыцарь с перепугу не смог проглотить кусок!

Шут постучал по спине графа Ганелона, а тот замахнулся на него тяжёлым кулаком.

— Полноте, не к лицу пэру Франции сердиться на шута, — остановил Ганелона старейший из рыцарей граф Милон. — Шутам дозволено нести всякий вздор. К чему попусту гневаться на того, кто должен забавлять нас острым словцом?

Ничего не ответил Ганелон, но со злобой посмотрел из-под насупленных бровей на старого пэра и затаил обиду.

В это время певец взял лютню и запел песню, прославляя отважные подвиги Карла. Одна песня сменяла другую. Но не прояснилось лицо короля.

Тогда встал старый граф Милон и громко спросил:

— Великий Карл, поведай нам, что тебя печалит?

И тогда, помедлив, сказал король Карл:

— Вам всем ведомо, что в Арденском лесу поселился великан Оргиус, хитрый и злобный волшебник. Владеет Оргиус даром нагонять колдовской туман, да такой, что ни зги не видно. Было у меня бесценное сокровище, щит прославленного короля Артура. Щиту этому нет цены. Ещё дороже был талисман, укреплённый в самой его середине. Сиял он, затмевая солнечный луч. Но не устерегли его мои верные стражи, хоть нет в этом их вины. Висел он в замке на стене над моим тронem. Опустил великан Оргиус на замок такой густой туман, что бродили слуги по залам, ничего не видя, как слепые, натыкаясь друг на друга.

Под покровом тумана, никем не замеченный, пробрался злой чародей в замок. Обошёл он все залы и увидел бледный луч. Как звезда сквозь облако, сиял талисман. Выломал он талисман из щита короля Артура и укрепил украденное сокровище на свой чёрный щит. Теперь ни конный, ни пеший не могут безопасно вступить в Арденский лес. Подстерегает их там безжалостный великан. Внезапно ослепит блеском талисмана и убьёт без всякой пощады. Многие отважные рыцари пали от руки коварного Орггуса, не успев даже обнажить меч.

Повскакали рыцари с мест, наперебой начали восклицать:

— Я готов ехать в Арденский лес!

— Жизни не пощажу, но убью великана!

— Я верну талисман!

С благодарностью взглянул король на своих верных вассалов.

— Не ждал я от вас другого, благородные пэры и рыцари!

Поклялись вернуть похищенный талисман гордый Ансенс, Ожье Датчанин,

Тибо из Реймса, Жофруа Анжуйский, знаменосец Карла, да всех и не перечесть.

Только молодой граф Оливьер не вымолвил ни слова.

— Я ещё страдаю от недавних ран, нанесённых мне в битве с сарацинами, — вздохнул старый граф Милон. — И всё же не могу я оставаться у себя в замке. Порой удача не считает годы воина.

— Мужайся, мужайся, седая борода! — с ехидной насмешкой сказал граф Ганелон. — Уж точно, без такой древней развалины где уж нам, неумехам, одолеть великана!

Вспыхнул от жестокого оскорбления старый граф Милон. Сжал кулаки его сын, юный Роланд, но подобает ему молчать среди прославленных рыцарей.

— Слуги мои, седлайте коня! — приказал граф Милон.

Тогда стал просить Роланд:

— Позволь, отец, мне ехать с тобой. Я буду твоим оруженосцем, слугой, кем прикажешь, я повезу твоё копьё и щит, только возьми меня с собой.

Стали совещаться бароны.

— Не следует нам всем вместе, одним отрядом ехать в Арденский лес, — сказал граф Милон. — Много дорог ведёт туда, с севера, с запада, с юга и востока. Пусть каждый выберет себе путь. Тогда скорее один из нас повстречается с проклятым Оргиусом. Велик Арденский лес, темны его глубины.

— Прости мне мои опрометчивые речи. Сказал я их не со зла, просто в шутку, — смиренно молвил старому рыцарю граф Ганелон. А сам смотрит в сторону, прячет глаза. — Бурный поток окружает Арденский лес. Прими мой добрый совет. Поезжай южной дорогой, там через поток перекинут надёжный, крепкий мост. Я же с востока въеду в Арденский лес.

Подошёл Роланд к своему другу графу Оливьеру, потянул его за руку, отвёл в сторону.

— А ты почему молчишь, почему не едешь? — шепнул Роланд. — Вижу, ты чем-то удручён и опечален. Поведай, что случилось?

— Вчера вечером пропала моя младшая сестрёнка Альда, — бледный от

тревоги, сказал граф Оливьер. — Захотелось ей послушать соловья, ведь она и сама поёт слаще соловья и так искусно играет на лютне. Я сказал ей: «Уже поздно, моя дорогая Альда, пала роса, сыро в саду, стелется вечерний туман. Послушай соловья и скорее вернись в замок». Спустилась Альда в сад, и с тех пор никто её не видел. Проклинаю себя, зачем, зачем я отпустил её одну, ведь ей всего двенадцать лет, моей золотоволосой Альде. Сегодня объеду всю округу, а не найду, отправлюсь хоть на край земли.

— Даст бог, кто-нибудь из могучих рыцарей убьёт великана Оргиуса. И тогда я с тобой, мой Оливьер! — тронутый до слёз печалью друга, обещал Роланд. — Прости, отец ждёт меня...

Уже сидит на коне граф Милон и оглядывается, где же Роланд, его оруженосец. А конь Роланда, горячий молодой Вейлантиф, нетерпеливо бьёт копытом.

Раздались звуки труб, и двенадцать пэров выехали из ворот королевского замка.

На развилке дорог расстались они, пожелав друг другу счастливой удачи, и каждый поехал своим путём. Легко ступает могучий конь графа Милона. Может он скакать без отдыха несколько дней. А за ним на Вейлантифе — юный оруженосец.

Счастлив Роланд, как звёзды сияют его глаза. В первый раз взял его отец с собой, отправляясь на трудный подвиг. С гордостью везёт он за графом Милоном его щит, прославленный боевой меч и копьё из ясеня.

Но вот прошло несколько часов, и заметил Роланд: наклонился отец к шее коня, точно давят и тянут его книзу тяжёлый шлем и кольчуга.

— Взгляни, отец, какой прозрачный ручей! Можно напоить коней. На этой тенистой поляне я разведу костёр и зажарю кусок кабаньей ноги, что захватил с собой в дорожной суме.

Со вздохом облегчения растянулся граф Милон на шелковистой траве.

Скоро затрещал костёр, и заманчиво запахло поджаренным на огне кабаньим мясом.

Вдруг зашуршала густая осока на берегу ручья. Оглянулся Роланд и увидел длиннобородого старика в балахоне зелёного цвета. Пояс сплетён из речных трав. Лучи солнца скользнули сквозь листву, и в зелёном свете показалось Роланду, что волосы и борода у старика цвета речных водорослей.

Не сводит старик глаз с душистого мяса, даже губы облизывает, видно, сильно проголодался.

Отрезал Роланд ломоть хлеба, кинжалом отсёк сочный кусок мяса и протянул старику.

— Раздели с нами скромную дорожную трапезу, почтенный старец!

— Благодарю тебя, юноша. — Незнакомец взглянул на него прозрачными, как текущая вода, глазами. — А твоё угощение я разделю со своим народцем. Никогда не пробовали мы такой еды.

Сказал и скрылся из глаз, будто его и не было. Только закачались прибрежные травы.

— Силы вернулись ко мне, милый сын, — сказал граф Милон. — Довольно нам отдыхать, пора в путь-дорогу.

Вскоре послышался шум воды, и путники подъехали к бурному потоку. Завиваются пенные волны водоворотами, не видно дна. А через поток на тот берег перекинут узкий обветшалый мост.

Покачал головой граф Милон и осторожно въехал на мост. Тихо ступает могучий конь, без страха следует за ним Роланд.

Вдруг подломились под тяжестью коней трухлявые доски, зашатались опоры моста.

Послышался опасный треск. Рушится, рушится мост! Вот-вот упадут в воду кони и всадники. Отчаянно заржал Вейлантиф. В этот миг высунулись из пенных волн две могучих руки, крепко ухватили они подломившийся мост.

Только успели переехать граф Милон и Роланд на тот берег, с грохотом провалился мост, поплыли вниз по течению обломки досок и брёвна.

— Что же уверял меня граф Ганелон, будто это самый надёжный мост через поток? — гневно нахмурился старый рыцарь.

— А жаркое-то было отменное, — слышался голос из глубины потока, и мелькнула среди белых кувшинок длинная зелёная борода.

Так въехали граф Милон и Роланд под тенистые своды Арденского леса.

Тем временем Ганелон неспешно ехал своим путём.

Вот перед ним узкая, мелкая река. Видно, как играет на дне стайка серебристых рыб среди разноцветных камней.

— Ого! — обрадовался Ганелон. — Такая речушка моему коню по колено! Без труда достигну я другого берега. Но сперва недурно перекусить в тени дуба.

Весело вспыхнул костёр, а скоро и оленина зашипела на вертеле. Вдруг почувствовал Ганелон чей-то пристальный взгляд. Оглянулся, стоит позади какой-то чудной старикашка с зелёной бородой и жадно пялится на его жаркое.

— Пшёл прочь, попрошайка! — с досадой крикнул Ганелон.

Покачал головой старик, хитро прищурился, ухмыльнулся и вдруг пропал из виду.

Ганелон тут же забыл о надоедливом нищем и без остатка съел сочную оленину, запивая вином из дорожной фляги.

Весело вскочил Ганелон в седло, направил коня по мелкой воде к другому берегу.

Вдруг послышался громкий плеск. Откуда ни возьмись, поднялась огромная волна с пенным гребнем и накрыла с головой Ганелона.

С трудом выбрался Ганелон на берег. Щит и меч канули в омут, а копьё из ясеня уплыло вниз по течению. Конь, дрожа, вылез из воды, отряхивается, трясёт гривой.

Хотел встать Ганелон и охнул: не может разогнуться, расшиб спину о камни.

Делать нечего, с трудом вскарабкался Ганелон в седло. Так и вернулся он, проклиная всё на свете, в замок короля Карла.

— Что случилось с тобой, граф Ганелон? — с изумлением спросил его король Карл. — Как лишился ты боевого оружия?

Вспыхнули огнём от стыда щёки Ганелона. Позор для рыцаря — потерять в битве или в странствиях меч и щит.

— Нет тут моей вины, а только злосчастный случай! Сотня разбойников, а то и больше, устроила засаду возле глубокой реки. Напали они на меня и длинными шестами и крючьями сбросили меня в бездонный омут.

— Забудь о своём несчастье и ступай отдохни, граф Ганелон, — сказал король Карл, а шут подхватил:

— Поспи-отдохни после такой работёнки! Никогда не слышал, чтоб рыцарь стирал в омуте свой щит и меч, как прачка грязное бельё!

Тем временем граф Милон пробирался по глухим тропинкам Арденского леса. За ним Роланд на своём коне Вейлантифе.

— Смотри зорко, Роланд, — остерегает граф Милон своего сына, — Арденский лес полон коварных ловушек и обманов. Взгляни! Нравится тебе эта цветущая поляна?

— Нигде не видел красивей цветов и таких разноцветных бабочек! — ответил Роланд.

Только сказал он эти слова, вмиг пропала цветущая поляна. Вместо неё вдруг появилось топкое болото. Потянуло гнилостной сыростью. На одной бурой кочке уселась, раздувшись, пятнистая жаба. Рядом лежит ржавый рыцарский шлем. Из мутной воды торчит железная перчатка со скрюченными пальцами.

— Несчастный рыцарь нашёл в этом болоте свою погибель! — вздохнул граф Милон. — Мир его душе! Видишь, Роланд, в Арденском лесу нужна не только смелость, но и великая осторожность, да и хитрость не помешает. Учись, мой сынок! Эта болотная топь только прикинулась цветущей поляной. А ведь были мы с тобой, Роланд, на шаг от неминуемой смерти!

— Я запомню это, отец, — кивнул Роланд.

Но вот свернули они на тенистую тропинку. По обе стороны — могучие

вековые дубы. Переплелись они ветвями, словно срослись навеки.

Вдруг остановил своего коня граф Милон — поперёк дороги натянута частая рыболовная сеть. Съехал с тропинки граф Милон, хотел объехать сеть, но и тут она висит между стволами, словно по воздуху перелетела.

— Чья это злая шутка? — воскликнул старый граф.

Взмахом меча рассёк он сеть, но тут же она срослась вновь, стала ещё гуще, ещё крепче — не проехать. Запутался конь, не может ступить и шагу, еле вытащил передние копыта.

— Эта сеть решила нас поймать, как доверчивых рыбёшек, — пробормотал граф Милон. — Оглянись, Роланд, путь назад тоже закрыт, со всех сторон окружила нас сеть. Впервые вижу такое. Недоброе колдовство!

— Хороший урок ты мне дал, отец, я его запомнил, — негромко сказал Роланд.

Он подъехал к раскидистой ели и стал сбивать копьём с её ветвей зелёные

шишки. Скинул плащ, накидал туда шишек и подъехал к колдовской сети.

— Сети! — звонко крикнул Роланд. — Сети! Что же вы упускаете славный улов? Видите, какие рыбки к вам плывут: караси, окуни, жирные лещи! Ловите их, сети, ловите скорее, пока не уплыли!

Принялся Роланд кидать вверх еловые шишки. Сверкает смола на шишках, похожи они на рыбок с блестящей чешуёй.

Задрожали сети, сорвались с веток, хватают, ловят шишки, стелются по земле, завязываются узлами.

— Ловко ты придумал, сынок! — похвалил Роланда отец. — Скачем скорей, пока сети не опомнились. Путь свободен!

Одним махом перескочили кони через заколдованные сети. Едут дальше граф Милон и его оруженосец.

Вот уже остались позади зелёные холмы, вольно шумит вокруг Арденский лес.

Весь день скакали всадники меж тенистых деревьев, а к вечеру выехали на круглую поляну.

Окружили поляну столетние дубы, наклонили могучие ветви, словно охраняют её. Последние багряные лучи осветили развалины старой часовни. Рядом с часовней чья-то могила, а над ней высокий каменный крест.

— Никогда я здесь не бывал, но много наслышан об этом месте, — сказал старый граф Милон. — Это самая древняя часть Арденского леса. Жил здесь когда-то святой отшельник, вот его часовня. Преклони колени, сын мой, ты у его могилы! Теперь ты понимаешь, почему столько препятствий встретилось нам на пути: тёмные силы не пускали нас к этому святому месту. Устал я, да и свежие раны дают себя знать. Здесь отдохну я до утра. Не смыкай глаз, Роланд, если услышишь тревожный шум, тут же буди меня. И смотри, никуда не отлучайся, не отходи ни на шаг!

Расстелил Роланд отцовский плащ на густой пахучей траве. В сумерках белеют стены часовни, о чём-то шепчут листья, словно рассказывают старые пре-

дания о святом отшельнике. Тишина и покой царят вокруг.

Лёг старый граф на расстеленный плащ и тут же задремал от усталости. Роланд прислонил к дереву отцовский щит и меч, а сам пристроился рядом.

Смотрит Роланд на спящего отца, и дрогнуло его сердце от жалости. Сам он полон сил, но как же истомлён, бледен старый граф. Как запали его глаза, и несколько капель крови алеют на кольчуге. Видно, в пути открылась недавняя рана.

— Отдыхай спокойно, отец. Я буду охранять твой сон до утра, — прошептал Роланд.

В темноте мелькнуло что-то между деревьями, и вышел на поляну белоснежный царственный олень. Никогда не видал Роланд такого красавца, таких высоких ветвистых рогов. Без страха подошёл олень к юноше, и почувствовал Роланд у себя на лице его тёплое дыхание.

Чутко повернул голову олень, с тревогой посмотрел вдаль поверх вершин вековых дубов.

— Что с тобой, что тебя пугает? — тихо спросил Роланд и погладил оленя по чутким ноздрям. — Ты, верно, король здешнего леса, так ты прекрасен...

Тут пролетел над поляной редкой красоты белый лебедь. Словно какие-то вести принёс он оленю.

Большими прыжками понёсся олень в глубь сумеречного леса. Взмахнул широкими крылами лебедь и скрылся за темнеющими верхушками деревьев. Кружась, упало одно белое перо и пропало в траве.

Крепким сном спит старый граф Милон. Спокойно и ровно дышит он во сне.

«Пусть отдыхает отец. Силы ещё вернуться к нему, — с надеждой подумал Роланд. — А я посторожу его покой».

Вот уже роса заблестела в траве, слаще запахи ночные цветы. Скоро с востока поднимется месяц.

Невольно слипаются веки у Роланда, с трудом борется он с навалившейся дремотой. Видит Роланд: стелются по земле, плывут за деревьями ленты тумана. Кольцом обвили они поляну. Поди-

вился Роланд, как же это, всё кругом затянул туман, но не смеет выползти он из леса, словно обведена поляна охранным кругом.

И вдруг вздрогнул Роланд. Издали, с трудом пробившись сквозь густой туман, слышался печальный напев и тихие звуки лютни. Ветер донёс грустный девичий голос:

Какая на сердце моём печаль!
 Оргиус-великан
 Окутал туманом лесную даль,
 Всюду туман-обман.
 Великан меня, девочку, изловил:
 «Ты моя младшая дочь!»
 Колдовским туманом замок обвил,
 Ждёт меня вечная ночь...

Пылкий нрав у Роланда, горячее сердце. Вскочил он на ноги, всматривается в темноту. Кто так жалобно, с таким отчаянием молит о помощи? Только бы не зatih печальный призыв. Он пойдёт на этот голос и отыщет юную пленницу, не пожалеет своей жизни ради её спасения. Но где искать её?

И вдруг снова послышался тот же далёкий звенящий голос:

В зале мёртвая тишина,
 Догорает моя свеча.
 Я в туманных залах брожу одна,
 И нет от двери ключа.

«Надо торопиться, — подумал Роланд. — Но ведь мне велено не отлучаться. Как же быть? Молю тебя, святой отшельник, здесь крест над твоей могилой, охраня моего отца!»

Чутко прислушиваясь, откуда доносится напев, стал пробираться Роланд между деревьями. Гуще, все непроглядней туман. Дорога пошла в гору. Выхватил Роланд острый кинжал из ножен и принялся рассекать им влажный, как волосы русалок, туман. Корни деревьев, казалось, ожили, они извиваются, как змеи, оплетают ноги. Но ничто не может остановить Роланда! По скользким от сырости уступам карабкается Роланд на вершину крутого холма. Манит, зовёт его полный тоски юный голос.

Налетел южный ветер, разогнал туманную зыбь, и на миг на вершине открылся огромный тёмный замок с зубчатыми башнями. Стал подниматься Роланд по еле различимой дороге, мощённой камнем.

Опущен подъёмный мост, под ним глухо бурлит невидимая во мраке вода. Пусто у замковых ворот, не слышно голосов стражников, повисла над замком мёртвая, стылая тишина. Окна, как чёрные провалы, нигде не видно даже слабого отблеска света.

«Он пуст и заброшен, нет в этом замке ни одной живой души, — подумал Роланд. — Нет здесь той, что поёт так нестерпимо печально...»

Вдруг заметил Роланд бледно-розовый огонёк в узком решётчатом окне. Кто-то прикрыл огонёк свечи рукой, и просвечивают тонкие пальцы насквозь.

Перешёл Роланд через мост, оглянулся, никого не видно под высокой аркой ворот.

Без страха ударил кулаком в тяжёлую дубовую дверь, обитую железом.

И, странное дело, дверь тут же отворилась, словно кто-то ждал его прихода.

За дверью — молчаливый слуга, нос крючком, круглые глаза навывкате, похож на ночного филина. Не сказав ни слова, согнулся в поклоне, жестом пригласил Роланда войти.

Роланд поднялся по мраморной лестнице, скупо освещённой одним-единственным факелом.

На верхней ступеньке он увидел ещё одного слугу в сером плаще. Края плаща вытянулись и раскинулись в разные стороны, как крылья летучей мыши.

Вдруг распахнулись украшенные резьбой высокие двери. После тёмной лестницы замер на пороге Роланд, ослеплённый ярким светом. В огромном камине пылали благовонные поленья. Блестели золотом уходящие к высокому своду колонны. Бесчисленные свечи в серебряных канделябрах ярко озаряли всё вокруг. А посередине залы увидел Роланд на сверкающем полу чёрный круг, выложенный из мраморных плит, а внутри него таинственные письма.

«Почему же этот замок показался мне таким безлюдным и заброшенным? — с изумлением подумал Роланд. — И где же его хозяин? Это, верно, знатный и прославленный рыцарь...»

В этот миг беззвучно откинулся бархатный занавес цвета спелой вишни, и, ласково улыбаясь, вышли ему навстречу две юные красавицы.

Одна из них была так бела и бледна, что жемчужное ожерелье с трудом можно было разглядеть на её сияющей, как снег, шее. Тонкие брови изогнулись дугой. Косы цвета воронова крыла падали до земли. В них сверкала одна серебряная прядь. А из её чёрных глаз, казалось, смотрела беззвёздная ночь.

— Я принцесса Кларинда, — сказала она звучным низким голосом. — Приветствую тебя, рыцарь, в нашем замке! А это принцесса Таркисса, моя сестра.

Таркисса посмотрела на Роланда зелёными глазами и лукаво улыбнулась. Глаза её так сверкали, что от их блеска тускнели и меркли изумруды на её гру-

ди. Мягкими, вкрадчивыми были её движения. Пышные рыжие волосы, тоже украшенные изумрудами, отливали огнём. Между приоткрытых алых губ блестели острые зубки.

Но тут отворилась маленькая дверца в глубине залы, и на пороге остановилась совсем юная девушка, скорее, девочка, неизъяснимой красоты и прелести.

Золотые кудри её, схваченные обручем, падали на плечи. Ясные глаза светились из-под тёмных ресниц. Но глубокую тайную печаль и тревогу прочитал Роланд в их небесной голубизне.

«Кто это? Светлый дух, спустившийся к нам на грешную землю?» — не в силах отвести от неё взгляда, подумал Роланд.

И тут померещилось ему, что качнулись стены замка, поредел за окнами туман, ярче заблестели огоньки свечей.

— Что с вами, рыцарь? — насмешливо спросила Кларинда. — На кого вы

так пристально смотрите? А, на эту девочку. Она не стоит вашего внимания. Это всего лишь Альда, приёмная дочь моего отца.

«Альда! Пропавшая Альда, сестра Оливьера! — Как острая стрела, поразила эта мысль Роланда. — Её песня привела меня сюда и открыла тайну этого замка. Теперь я знаю, его хозяин — великан Оргиус, и Альда — его пленница...»

Альда быстро глянула на Роланда и незаметно поднесла палец к губам, словно хотела сказать: «Молчи, молчи...»

— Ты опять пела, Альда? — с угрозой нахмурила Кларинда чёрные брови. — Я же запретила тебе петь. Ты будешь за это строго наказана. Ты слишком своевольна. А теперь ступай отсюда!

— Постой, сестрица. Раз уж девочка пришла, пусть остаётся, — лукаво усмехнулась Таркисса. — Альда сыграет нам на своей лютне и развлечёт нас. Под звон струн так приятно выпить кубок вина. Напиток кажется слаще. Мы живём в стороне от проез-

жих дорог и потому всегда рады заез-
жему гостю.

Альда послушно взяла в руки ста-
ринную лютню и, не поднимая глаз,
стала тихо перебирать струны.

— Ты устал, милый рыцарь, — ска-
зала черноокая Кларинда. — Не хо-
чешь ли подкрепиться чашей вина из
погребов нашего отца? Это старое вино
из заморских стран. Ведь ты не отка-
жешься выпить в нашу честь?

Кларинда хлопнула в ладоши, и тут
же вошёл старый слуга, длинный, то-
щий, на журавлиных ногах. В руках он
держал драгоценный поднос. На подно-
се — золотой кубок, полный густого
тёмного вина.

Взял Роланд кубок и поднёс уже к гу-
бам, как вдруг раздался резкий пронзи-
тельный звук — лопнула струна на
лютне под рукой Альды.

Вздрогнул Роланд и выронил кубок.
Пролилось вино на мраморные плиты
пола. Вспыхнуло лиловым пламенем.
И в тот же миг пропало и пролитое ви-
но, и драгоценный кубок.

— Боже праведный! — воскликнул Роланд.

Качнулись огоньки свечей, на миг показалось Роланду, что прозрачными стали каменные стены замка, и увидел он далеко внизу верхушки Арденского леса, увитые туманом.

— Какая ты неловкая, Альда! Ничего толком не умеешь! — гневно воскликнула Кларинда.

— Полно, Кларинда. Что требовать от этой глупышки?! — вкрадчиво усмехнулась Таркисса. — Вижу, заскучал наш юный гость. Давай станцуем, Кларинда, развлечём его. И ты, рыцарь, надеюсь, станцуешь вместе с нами. Отказаться было бы неучтиво. Играй, Альда, громче и веселей, слышишь!

Заиграла Альда, закружились сёстры в плавном танце. Словно парит в воздухе Кларинда, а чёрные её косы вьются, как змеи, вокруг головы. Как чудесно танцует Таркисса, глаз не отвести! То перегнётся назад, и рыжие кудри коснутся пола. То закружится, неслышно касается её маленькая ножка мраморных плит.

Протянули руки сёстры, зовут Роланда, хотят, чтоб и он танцевал вместе с ними. Улыбаются ему, манят, манят наступить на середину залы, там, где круг с таинственными письменами.

Словно околдовали Роланда их призывные улыбки и гибкие руки. Как во сне, шагнул вперёд Роланд, сейчас переступит он магическую черту...

И вдруг — дзынь! — лопнула струна под рукой Альды.

Замер Роланд на месте. И в тот же самый миг провалился мраморный пол прямо перед ним посреди залы. Рухнул вниз круг с таинственными письменами, и открылся гулкий провал.

Глядит Роланд в чёрную глубину и видит: там, внизу, на самом дне копошатся длиннородые карлики.

Отшатнулся Роланд и осенил себя крестным знаменем. Вспыхнули ярче огни свечей, снова стали прозрачными стены замка, словно они были сложены из столбов тумана. Увидел Роланд вдалеке поляну, освещённые луной развалины часовни и отца, крепко спящего под деревом.

«Ещё миг, и пришёл бы мне конец, — подумал Роланд. — Вовремя зазвенела струна...»

А внизу, в подземелье, у самых его ног шорохи и возня. Карабкаются карлики вверх по крутым стенам. Сколько их, не сосчитать.

— Наша добыча! Схватим рыцаря! — слышны жадные голоса.

Сорвал Роланд драгоценное кольцо с руки и швырнул вниз, в темноту.

— Вот подарок вашему королю! — крикнул Роланд. — Нет цены этому кольцу. Смотрите, чтоб никто не похитил его. Скройте-закройте! Пусть никто не увидит кольца!

— Закроемся навсегда! Спрячем кольцо! — зашипели карлики. Вмиг захлопнулась бездна. Снова сверкает перед Роландом гладкий мраморный пол. А посередине залы опять виден магический круг с таинственными письменами.

— Это всё ты! Твои проделки. Нарочно порвала струну, девчонка! Вот тебе! Вот тебе! — Кларинда хищным прыжком подскочила к Альде, ухватила длинную

прядь волос, намотала на пальцы. Дёрнула с такой злобой и силой, что несколько золотых волосков остались у неё в руке. Соскользнул с головы Альды обруч, украшенный звёздами, и со звоном покатился по полу. — Погоди, вернётся отец, мы всё ему расскажем. Скоро утро, он будет здесь. Ты ещё заплачешься, маленькая дрянь! Отец натянет твои волосы вместо струн.

Как обрывки золотой паутины, поплыли по воздуху тонкие волосы Альды. А один волосок, блеснув, зацепился за тяжёлую связку ключей на поясе принцессы Кларинды.

С трудом подавил в себе яростный гнев Роланд. Поднял с полу упавший обруч и подошёл к девочке.

Альда взяла обруч, и на миг их руки встретились.

— Бежим со мной, Альда! — шепнул Роланд.

Альда откинула назад спутанные кудри, надела обруч и тихо, чуть шевеля губами, так, что расслышать её мог только один Роланд, ответила:

— Не могу, рыцарь! Я заколдована великаном. Только его смерть освободит меня.

Взглянула Альда на Роланда глазами, полными слёз, и словно пламя обожгло ему сердце.

«Бежать из замка... Найти, убить великана... Скорее, скорее...» — невольно стал Роланд искать глазами дверь, ведущую из залы.

Перехватила взгляд Роланда черноокая дочь великана и усмехнулась.

— Знай, рыцарь, трудно войти в наш замок, но покинуть его ещё трудней, — промолвила Кларинда. — Вижу, хочешь ты уйти из замка. Напрасно мы плясали и угощали тебя. Что ж, неблагодарный, поступай как знаешь. Но не скрою, смертельная опасность ждёт того, кто пожелает уйти из замка.

— Я готов, — ответил Роланд. — Сын рыцаря не знает страха. Да и не ведаю, чего мне бояться.

— Сейчас узнаешь, — нежно и ласково улыбнулась принцесса Таркисса, и сверкнули её зелёные глаза с узким

зрачком. — Трижды подумай, рыцарь, прежде чем решиться.

— Я уже сказал, госпожа, — нетерпеливо повторил Роланд.

Принцесса Кларинда отцепила от пояса звонкую связку ключей.

— Видишь, рыцарь, эти ключи? Здесь их тринадцать. Но лишь один откроет желанную дверь. Берегись ошибиться, юный смельчак, остальные ключи несут тебе погибель! Есть здесь ключ от зверинца с голодными львами, они растерзают тебя. Есть в этой связке ключ от темницы. Там ждёт палач с отточенным топором...

— А ещё есть ключ от волшебной опочивальни! «Спи — не проснись» зовётся она, — сладким голосом пропела Таркисса, ласкаясь к сестре. — Там так отрадно, правда, Кларинда? Мягкая постель, собольи одеяла... Все радости страсти ждут тебя там. Но ты уже никогда не проснёшься. Ну как, осмелишься ли ты испытать свою судьбу?

— Решено! — твёрдо сказал Роланд. — Я выбираю ключ!

— Да помогут тебе небесные силы! — воскликнула Альда и молитвенно сложила ладони.

Дразня Роланда, высоко подняла ключи Кларинда, позванивает ими.

Пристально смотрит Роланд на связку ключей. Какой выбрать?

Этот украшен алым рубином, как капелька крови, горит он.

А вот этот — старинный, тяжёлый, ржавый. Может, как раз он и откроет спасительную дверь?

А вот ещё один, начищен до блеска и звенит так заманчиво: возьми, возьми...

Вдруг увидел Роланд маленький, незаметный ключ. Обвился вокруг него золотой волосок Альды.

«Вот он!» — мгновенно догадался Роланд.

Одним резким рывком выхватил Роланд из связки маленький ключ. Лопнуло кольцо, державшее ключи, и они рассыпались по полу.

Скорее к двери! Щёлк — и распахнулась она настежь.

И только услышал он за спиной злобное шипение Таркиссы:

— Как ты угадал, негодяй?!

— Слуги, держите его! — вдогонку крикнула Кларинда.

Выхватил Роланд отточенный кинжал из-за пояса и бросился вниз по мраморной тёмной лестнице. Как молния чертит зигзаги в темноте сверкающий клинок. Отпрянул слуга в длинном плаще, взлетел вверх, перевернулся в воздухе, словно летучая мышь. Зажмурил круглые глаза стражник, похожий на филина, метнулся в глубокую нишу, сжался там, скорчился.

Выбежал Роланд на широкий двор, распахнуты ворота, опущен подъёмный мост.

«Удача! — подумал Роланд. — Путь открыт!»

Но в этот миг двое стражников скрестили перед ним копья. С бешеной силой вырвал Роланд копья из их рук и швырнул в бурлящий поток.

Перебежал мост и бросился вниз с крутого холма, скользя по ковру

хвои и опавшей листвы, спотыкаясь о корни.

Уже занимается заря, и первые лучи согрели и позолотили верхушки старых деревьев.

Лишь один раз оглянулся Роланд на угрюмую громаду замка. Сжалось его сердце, там осталась юная, беззащитная Альда во власти злобы и колдовства.

Только бы не заплутать в тумане. Чем ниже он спускается к подножию холма, тем гуще слоистый туман. И вдруг почувствовал Роланд на лице веяние сильных крыльев. Низко-низко, задевая ветви деревьев, пролетел белый лебедь.

«Он указывает мне путь», — догадался Роланд.

А вот и поляна. Окрасили её бледные лучи рассвета. Светится крест над могилой святого отшельника.

Перебежал Роланд поляну. Слава богу, глубоким сном спит отец.

Вдруг увидел Роланд — в лесной глубине, в зелёном сумраке сверкнул пронзительно-яркий луч. Со всех сторон на

поляну выскочили олени. В страхе промчались и скрылись. С жалобным криком взметнулась стая птиц. Послышался хруст ветвей, и земля содрогнулась от тяжёлых шагов.

«Это великан! — понял Роланд. — Он возвращается в замок. Надо перехватить его по дороге. Что делать? Отец, обессиленный, спит, а нельзя терять ни мгновенья».

— Альда, Альда... — как заклинание, прошептал Роланд.

Не задумываясь, схватил он тяжёлый отцовский меч, копьё из ясеня, закинул за левое плечо щит. Тихо свистнул, а верный Вейлантиф уже тут, нетерпеливо роет копытом землю.

Вскочил Роланд в седло и направил Вейлантифа туда, где между стволами деревьев вспыхивал, как звезда, ослепительный луч.

Хрустнула и со свистом повалилась вековая ель. И вот наконец увидел Роланд хозяина замка, великана Оргиуса.

«Экая громадина! — подумал Роланд, запрокинув голову. — Настоящая

гора! А до чего уродливый, клыкастый. Щит как замковые ворота. А вон и талисман! Прямо посреди щита. Горит, сверкает. Похоже, вот-вот подожжёт листву. Да поможет мне Господь Бог! Альда молится за меня!..»

Роланд погнал Вейлантифа и осадил его прямо перед великаном.

— Стой, остановись! — бесстрашно крикнул Роланд. — Я вызываю тебя на бой!

— Ха-ха-ха! — оглушительно рассмеялся великан. От его хохота затряслись деревья, взвихрились листья. — Откуда ты взялся, малыш? Ещё и задирал меня. Смотри-ка, твой меч длиннее тебя, а щит, того гляди, переломит тебя пополам!

— Пускай я слаб перед тобой, но зато мой меч прославлен и могуч! — задорно крикнул Роланд. — Пусть я молод, зато мой конь закалён во многих боях. Испробуй нас, тогда поглядим, кому улыбнётся победа!

— Ах ты, дерзкий мальчишка! Муравей, букашка, сейчас я тебя прихлоп-

ну! — взревел великан и швырнул в Роланда дубиной.

Вейлантиф отпрянул в сторону, а тяжёлая дубина, просвистев мимо, повалила с десятков деревьев. Застонал лес.

Роланд метнул в исполина копьё. Но великан раздул щёки, дунул, и копьё отлетело в сторону, как сухая травинка.

— Ты мне надоел, мальчишка! — прорычал великан. — Сейчас получишь по заслугам!

Великан злорадно усмехнулся, повернул щит и направил сверкающий луч талисмана прямо в лицо Роланду. Застыл на месте ослеплённый Роланд, замер, не в силах пошевелиться. Ничего не видит он, только огненные круги плывут перед глазами.

«Прощай, отец... Прощай, Альда, ты и не узнаешь...» — подумал Роланд, и в этот миг погас губительный луч.

Смотрит Роланд: белоснежный лебедь прильнул грудью к щиту Оргиуса и, распластав крылья, закрыл талисман.

Скорее, скорее, нельзя терять ни мгновения! Пришпорил Вейлантифа

Роланд. Ржёт верный конь, раздувает ноздри, но покорен воле своего юного хозяина. Поднял Роланд тяжёлый отцовский меч и с маху перерубил руку великана у самого запястья. Упала в траву громадная рука, со звоном отлетел в сторону щит, сверкающий луч упёрся в небо и осветил низкие тучи над Арденским лесом. Взлетел в воздух белый лебедь, плавно взмахнул крыльями и исчез за деревьями.

Громовой вопль великана потряс окрестные скалы. Кинулся он к упавшему щиту, но Роланд оказался проворней. Как вихрь налетел он на Оргиуса и ударил его сзади мечом по ногам.

Рухнул на землю великан, и было это как горный обвал. Раскололась гранитная скала, посыпались камни. Правой рукой нашарил Оргиус большой валун, выворотил его из земли, поднял, чтоб пришибить Роланда. Но проворен и ловок Роланд. Собрав все силы, одним ударом съёл голову великану. Чёрная кровь потоком хлынула в долину.

Соскочил с Вейлантифа Роланд. Вот он, вот заветный талисман в самой середине щита, сияет в драгоценной оправе.

«Уж не сон ли мне снится?» — подумал Роланд.

Положил юноша руку на талисман, как молнии, пробились лучи между пальцев. Хотел было выломать Роланд сверкающий талисман из оправы, но талисман вдруг сам легко скатился в его ладонь, будто только этого и ждал. На груди под доспехами спрятал юный победитель бесценный клад.

Только тут заметил Роланд, что он и его конь забрызганы чёрной кровью великана.

В наступившей тишине услышал Роланд хрустальный звон и плеск лесного родника. Он пробивался между корней могучего дуба и, прячась в траве, сбегал вниз в долину.

Ледяной прозрачной водой смыл Роланд кровь с доспехов, со своего оружия, с груди Вейлантифа.

Встал на колени юноша, измученный жаждой, горстями черпает он во-

ду, а рядом жадно пьёт и фыркает Вейлантиф.

Пустился Роланд обратным путём. Молодая берёзовая роща, вся насквозь освещённая лучами солнца, трепетала, блестя свежими листьями. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочила дикая кошка. Рыжая, шерсть дыбом, глаза горят, как изумруды. С шипением прыгнула на грудь Роланду, норовит вцепиться в лицо. Крепко ухватил её Роланд, отодрал от себя, так что скрипнули железные когти, и отшвырнул в сторону. Взвизгнула дикая кошка человеческим голосом и сгнула в глубоком овраге.

Не успел опомниться Роланд, налетела на него огромная птица, чёрная, как ночь, с одним белым пером на хохолке. Хотела она с лёту клюнуть Роланда в глаз. Но юноша наотмашь ударил её рукой в железной перчатке, и с хриплым воплем скрылась зловещая птица.

«Откуда такая нечисть в лесу?» — подивился Роланд.

А вот и знакомая поляна. Вся усыпана она цветами. В тени голубеют влажные фиалки, над могилой святого отшельника наклонились белые лилии. А в тени под деревом всё так же спит глубоким сном старый граф Милон.

Поднял глаза Роланд, ищет взглядом на вершине холма замок великана. Но где же он?! Ни стен, ни зубчатых башен, ни тяжёлых ворот — ничего! Высятся вдали высокий голый холм. Только ползут вниз по склонам клочья седого тумана. На миг показалось Роланду, что видит он белый, прозрачный шпиль и угол стены с узкой бойницей. Нет, это туман обманывает, морочит.

Вдруг послышался треск ветвей, и проскакал между стволами деревьев прекрасный белый олень. А на нём, ухватившись за ветвистые рога, — Альда. Да, это она, повернула к нему голову, улыбается. Лучи солнца переплелись с её золотыми волосами.

— Я свободна, свободна от злых чар! — донёсся до Роланда её ликующий голосок. — Я ждала, я верила...

Что-то ещё крикнула Альда, но Роланд уже не расслышал. Скрылся олень вдаль, прочь из Арденского леса мчит-ся он. И, задевая за ветви деревьев широкими крыльями, пролетел за оленем белый лебедь.

— Альда свободна! — Радость охватила Роланда. — Как ловко правит она оленем! А до чего прелестна! Бьюсь об заклад, нет красивей девочки на свете... Ну, теперь... Да провались сквозь землю все великаны, все карлики, поспать бы хоть часок...

Упал Роланд на свежую траву, вытянулся, положил голову на край отцовского плаща и забылся сладчайшим сном.

Было уже далеко за полдень, когда услышал Роланд гневный окрик отца. Пнул его отец ногой:

— Вставай! Так-то ты несёшь стражу, негодный мальчишка! Лентяй, лежебока! Не разбудил меня на заре, как велено! Хорош оруженосец! Забыл свой долг, бессовестный!

— Отец... — начал было Роланд.

— Молчи, ни слова! — властно оборвал его отец. — Следуй за мной! О, если бы я знал, я оставил бы тебя дома прясть пряжу со служанками.

Въехали они под сень лесной дубравы. Впереди старый граф, мрачно насупленный, угрюмый. За ним молча едет Роланд. Чувствует он на груди под кольчугой тепло волшебного талисмана.

Вот перед ними ручей. Не хочет конь старого графа ступить в мутную, тёмную воду.

— Что здесь случилось? — Граф Милон пришпорил коня. Захрапел конь и одним прыжком перелетел через кровавую пену ручья.

Смотрит граф Милон и глазам своим не верит. Перед ним безобразной громадой лежит мёртвый великан. Кольчуга разрублена, в стороне валяется откатившийся шлем.

— Э! Да ведь это великан! — Граф Милон заставил коня подъехать поближе. — Но где же щит с бесценным талисманом? Ни копыя, ни меча! Победи-

тель всё увёз на показ королю. Проспал я свою славу и доброе имя!

Уронил граф Милон голову на грудь. Одинокая слеза скатилась на седую бороду.

— Позор мне! Другому досталась победа. Из-за тебя, щенок! Тебе впору махать игрушечным деревянным мечом, а я, безрассудный, доверил тебе своё оружие и честь!

— Отец! — с мольбой воскликнул Роланд. — Выслушай меня! Позволь сказать...

— Молчи! — сверкнул глазами старый граф. — Клянусь, одно твоё слово — и ты мне больше не сын. Отрекусь от тебя!

Молча поехал Роланд за отцом, знает он его крутой нрав, лучше ему не перечить, всё равно не станет слушать его отец.

В последний раз оглянулся Роланд, посмотрел на мёртвого великана. Куда же, правда, делись голова и отрубленная рука в железной перчатке, щит его и оружие? Вот загадка...

Тем временем король Карл в нетерпении ждал вестей от своих вассалов. С высоких сторожевых башен дозорные всматривались в даль, каждый хотел первым сообщить королю радостную весть.

— Цвет рыцарства, лучших моих воинов послал я в Арденский лес! Неужели на погибель? — Король Карл ходил по своим покоям, не находя себе места от тревоги и беспокойства.

Примолкли все в зале. Не смеет менестрель тронуть струну, сжался в углу шут, молча поглядывает на короля: не время для озорства и веселья.

Вдруг послышался звук труб с дозорной башни.

Подошёл к окну король Карл.

— Победа! Это же герцог Гемон! У него на копье голова Оргиуса! Вон длинные космы великана волочатся по земле!

Вышел из дворца король Карл в мантии, на голове сияет корона. С улыбкой смотрит он: вот герцог Гемон въехал на подъёмный мост.

Со всех сторон на дворцовую площадь бегут люди из города. Все знают — будет неслыханное торжество.

Но почему так мрачен герцог Гемон? Потупившись, едет он, брови сурово нахмурены. Нет, не похож он на счастливого победителя.

Подъехал герцог к подножию лестницы и стряхнул с копья косматую голову великана.

— Хвала тебе... — начал было король Карл.

— Увы, увy... — остановил его герцог Гемон. — Весь день, всю ночь пробирался я сквозь чащу Арденского леса. Но плохую добычу я завоевал. Другой смельчак снёс ему голову. Вот она! Не моя это заслуга.

Зашумел народ. Глядят с опаской на голову чудовища. Молодая мать прикрыла ребёнку глаза ладонью и спряталась за спину мужа.

Снова загремели трубы с дозорных башен.

В нетерпении ждёт король Карл — сейчас явится победитель.

Проскакал через подъёмный мост Жофруа Анжуйский, знаменосец Карла. К седлу коня крепким ремнём привязана отрубленная рука великана в железной перчатке.

Сердит и сумрачен Жофруа Анжуйский, видно, не легко далась ему победа.

— Слава тебе, достойнейший из рыцарей! — воскликнул король.

— Я не заслужил твоей похвалы. — Жофруа с досадой разрубил ремень, и рука великана с лязгом грохнулась на каменные плиты. — Не я убил великана. Вот что мне досталось от чужой победы. А где талисман, я не ведаю.

Перешёптываются люди на площади:

— Где же талисман? Может, другой великан его похитил?

И вдруг торжественно загремели трубы. Все с надеждой смотрят на дорогу.

Лицо короля просветлело. Вот наконец долгожданный герой. Навстречу ему помчались всадники. Ведь пешком

бредёт рыцарь, измучен, наглотался пыли. Ведёт боевого коня за повод, а тот едва поднимает копыта. С трудом тащит он привязанный к седлу громадный щит великана.

— Это Наим Баварский! — воскликнул король Карл, спустился с лестницы, готовый раскрыть объятия.

Но, взглянув на безрадостное лицо рыцаря, король в замешательстве остановился.

— Я вижу щит, но где же талисман?

— Исчез неведомо куда, — печально ответствовал рыцарь Наим. — Другому досталось счастье одолеть Оргиуса, не мне. Вот моё бесславное наследство. Щит без талисмана. А кто его похитил — не знаю!

— Беда! — нахмурился король Карл. — Что, если какой-то чужак увёз талисман короля Артура в далёкие страны и больше мне его не видать?..

Одна-единственная труба негромко и печально прозвучала с дозорной башни.

— А-а!.. Это старый граф Милон. Вижу, едет он, опустив голову, и ему

тоже не улыбнулась победа, — вздохнул король Карл.

И по лицу короля вассалы поняли, что последнюю надежду потерял король Карл.

Медленно ступил конь графа Милона на подъёмный мост. За ним с его оружием, с его щитом, прикрытым краем плаща, послушно следует юный Роланд.

Молчит король Карл, нечего ему сказать старому другу.

Тут из дверей дворца вышел, прихрамывая, Ганелон.

— Что ж, видно, славная пирушка была в Арденском лесу, — с ехидством промолвил он. — Все рыцари везут нам объедки со стола. А ты, граф Милон, не привёз нам даже обглоданной кости! — Ещё что-то обидное хотел добавить Ганелон, но вдруг умолк, словно подавился недосказанным словом.

Внезапно ослепил его жгучий огненный луч. Это юный Роланд, откинув плащ, высоко поднял отцовский щит с заветным талисманом в самой его середине. Вправо кинулся Ганелон, а луч

за ним. Бросился влево, повернул щит Роланд, и Ганелон, закрыв лицо руками, скрылся за дверью.

Со всех сторон грянули шумные крики восторга.

Торжественно воскликнул король Карл:

— Ты, граф Милон, оправдал мои надежды! И годы, и боевые раны тебе не помеха. Ратным искусством ты затмил всех рыцарей королевства. Прими мою благодарность.

Тем временем Роланд вынул из щита сияющий талисман и на ладони протянул его своему отцу.

— Откуда он у тебя, Роланд? — не веря своим глазам, в изумлении воскликнул граф Милон.

Не успел ответить юный Роланд, как появился над королевским дворцом дивной красоты белый лебедь. Никого не страшась, начал он кругами опускаться всё ниже и ниже.

Послышалось звонкое цоканье копыт по подъёмному мосту. Все оглянулись и увидели молодого рыцаря

Оливьера на вороном коне. Рядом с ним гордой поступью шествовал олень, такой белый, словно сошёл он со снежной вершины. А на олене, держась за ветвистые рога, — золотоволосая Альда, сестра Оливьера.

Соскользнула девочка с оленя, резво взбежала по ступеням и, улыбаясь, остановилась перед королём.

— Слава Господу, ты жива и здорова, Альда! Все так тревожились о тебе. — Король ласково положил руку на спутанные золотые кудри девочки. — Где ты была?

— В заколдованном замке Оргиуса! — Тонкий голосок Альды дрогнул. — О, король! Мне было там так страшно, так одиноко...

— Как же ты смогла убежать оттуда, дитя моё? — спросил король, наклоняясь к ней.

— Вот мой спаситель! Он освободил меня от злых чар! — воскликнула Альда, указывая на Роланда.

— Как? Этот юный паж? Я знаю его! Он всегда наливал вино в кубок графа Милона, — изумился король Карл.

— Государь, — недоуменно сказал старый рыцарь. — Я взял Роланда, сына моего, оруженосцем и сам не знаю, что произошло.

— Я всё видела, я расскажу вам! — Голос Альды зазвенел от волнения. — Только рассвело, гляжу, идёт по лесу великан Оргиус. Держит путь прямо к замку. Думаю, вот сейчас придёт, начнёт, как всегда, меня пугать, мучить. Вдруг, откуда ни возьмись, появился перед Оргиусом этот юноша, верхом на коне. Я только воскликнула: «Господи, помоги!» Тут сверкнул меч, и покати-лась голова Оргиуса...

— Белый лебедь опустил на щит и закрыл талисман... — негромко добавил Роланд.

— И тут случилось чудо! — Альда подняла вверх тонкие руки. Все на площади перед дворцом замерли, не шевелясь, ловя каждое слово девочки. — Слушай дальше, мой добрый король, слушайте все! Только пал мёртвым великан, растаяли стены огромного замка. Ведь он был не из камня, а из

колдовского тумана. Развеялись башни, ветер разметал колонны, ковры, высокие светильники, всё превратилось в туман... Смотрю, надо мной ясное небо. Я стою на вершине крутого холма, а внизу шумит Арденский лес. Вдруг опять беда. Злые дочери великана превратились одна в чёрную птицу с железным клювом, другая — в дикуую кошку. Бросились они на меня, хотят погубить.

Вдруг послышался топот, и взлетел на вершину холма белый олень. Я вскочила на него, обхватила за шею, прижалась крепко-крепко, и мы помчались быстрее ветра. А дикая кошка и хищная птица — за нами, того гляди, догонят... Но тут — о, счастье! — навстречу мой любимый брат Оливьер, он всюду искал меня. Взмахнул он своим метким копьём, и в страхе сгнули дочери великана неведомо куда. И вот мы здесь!

— Что ж ты не разбудил меня, сын? — с укором спросил старый граф Милон.

— Прости, отец, ты так крепко спал, а великан был уже совсем рядом, — ви-

новато сказал Роланд. — Оружие было под рукой... Вот я и решился...

Вздыхнул граф Милон, но посмотрел на своего сына, и гордостью сверкнули его глаза.

— Изволь, государь, принять талисман, завоёванный моим сыном-оруженосцем. — Граф Милон с низким поклоном поднёс королю Карлу лучистый талисман.

— Скажу по чести, твой сын Роланд достоин своего отца, — одобрительно кивнул король. — Что вы скажете, пэры Франции и бароны? Я хочу немедля посвятить этого юнца в рыцари! Одобрите ли вы моё решение?

— Согласны, согласны! Он достоин! — слышались со всех сторон дружные возгласы.

— Принесите сюда меч Дюрандаль и рог Олифант! — приказал король Карл.

Засуетились слуги, воины, торопясь исполнить волю короля.

Два рыцаря медленным шагом вышли из дверей. Один нёс великолепный меч с рукоятью в виде креста. Другой —

рог Олифант из слонового бивня, украшенный искусной резьбой.

Роланд благоговейно преклонил колени перед королём.

Плашмя ударил мечом по плечу Роланда король Карл.

— Посвящаю тебя в рыцари, Роланд, сын графа Милона, — торжественно прозвучал голос короля. — Во имя Господа Бога нашего да прославишь ты подвигами свой род и милую Францию! Вот меч Дюрандаль — отныне он твой!

Наклонил голову Роланд и прикоснулся устами к рукояти меча.

Двумя руками поднял король Карл рог Олифант.

— По блеску твоих глаз, рыцарь Роланд, вижу я, безмерна твоя смелость, неистова отвага, — сказал король, передавая рог Олифант Роланду. — Но, запомни, верной сестрой храбрости должна быть мудрость. Если начнут тебя одолевать бесчисленные враги, труби в свой рог, юный рыцарь. — Сказал это король Карл и добавил с лукавой улыб-

кой: — И не смущайся, если тебе придётся разбудить меня.

Незаметно глянул в сторону Роланд: где красавица Альда? Видит ли, какая честь оказана ему? Да вот же она! Стоит, положив руку на шею белого оленя. Сияющими глазами смотрит она на Роланда.

Белый олень наклонил голову, мягкими губами коснулся руки Альды, шумно вздохнул и пошёл по мосту и дальше по дороге, к темнеющему Арденскому лесу. Вслед за ним, взмахнув широкими крыльями, полетел прекрасный лебедь. И в наступивших сумерках казался он белым облаком, парящим в воздухе.

— Отныне своей королевской властью я навеки запрещаю охоту в Арденском лесу на оленей и лебедей! Они под моей защитой, — сказал король Карл, глядя вдаль. — Горе тому, кто осмелится натянуть лук и позабавиться запретной охотой!

Опустился синий вечер. В замке слуги зажгли факелы и свечи. Всё готово к праздничному пиру.

Король Карл, а за ним все пэры Франции, бароны и рыцари поднялись по ступеням и вошли в пиршественную залу.

Тогда подошёл Роланд к графу Оливьеру и сестре его Альде. Крепко обнял Оливьер Роланда.

— Ты был мой друг, отныне ты мой брат, Роланд! — горячо сказал он.

Тут из тёмного сада, из влажной листвы послышалось пение соловья. Одна трель сменяет другую, и нет им конца.

— Узнаешь, Оливьер? — радовалась Альда. — Это мой соловей. Он прилетел сюда из нашего замка.

— Соловей приветствует твоё возвращение, Альда! — сказал Роланд.

— Он поёт в твою славу, юный рыцарь, — шепнула Альда.

Несмело взял Роланд маленькую руку Альды и почувствовал ответное пожатие тонких пальцев.

Так поднялись они втроём по широким мраморным ступеням к распахнутым дверям королевского дворца, откуда лился свет и слышались звуки струн и пение менестрелей.

На правом плече Роланда рог Олифант на золотой цепи, у пояса — меч Дюрандаль. Один раз задел ножнами Роланд за мраморную ступень.

«Мне только пятнадцать лет, — подумал Роланд. — Сколько ещё впереди дорог и сражений. Но клянусь, моя Альда, ни одна слеза не скатится по твоей нежной щеке. Я буду твоим защитником...»

Робин Гуд

Оленя парень в лесу подстрелил,
В тюрьму его, в тюрьму!
Оленьим мясом детей накормил,
В петле качаться ему!

Тоскует в слезах молодая вдова:
Мой муж в Ноттингеме убит!
И снова звенит, как струна, тетива,
И стрела в убийцу летит.

Ласково шумит ветер в густом Шервудском лесу. Вот промчалось стадо оленей, пробежал дикий кабан. И снова слышны беспечные голоса птиц.

Зарастают травой дороги в Шервудском лесу. Не часто встретишь тут богатого купца или знатного рыцаря. А слу-

ги шерифа¹ из города Ноттингем² и вовсе обходят лес стороной. Лучше три дня тащиться по пыльной дороге в объезд, чем за день напрямик доехать до Ноттингема через тенистый Шервудский лес.

Для слуг шерифа Ноттингемского это опасное место. Кажется, мирно спит лес, но вдруг словно проснётся, разбудит его пение охотничьего рожка. И в тот же миг из-за деревьев выбегут на дорогу сорок стрелков в одежде из зелёного линкольнского сукна, а с ними их предводитель — Робин Гуд³.

Зато кто беден, у кого ни гроша в кармане, кого преследует закон, тот смело входит под кров Шервудского леса.

¹ Ш е р í ф — главное должностное лицо в графстве, выполнял судебные и административные функции.

² Н ó т т и н г е м — расположен в Северной Англии.

³ Р ó б и н — уменьшительное от имени Роберт. «Гуд» — значит «колпак», «капюшон», но некоторые исследователи думают, что это прозвище восходит к слову «лес» — по-английски «вуд» (wood).

Первым делом, по обычаю, досыта накормит гостя Робин Гуд. Потом развеселит шуткой, да ещё щедро отсыплет горсть звонких монет.

Шервудский лес давно стал родным домом для Робина Гуда. И чему тут удивляться? Ведь здесь он провёл своё детство, здесь возмужал. Отец его, Вилли Верный, прозванный Верным за то, что всегда держал своё слово, был крестьянином. Жил он в крепком доме, который построил своими руками. Коровы стояли в хлеву, а хорошие кони — в стойле. Но всё-всё отобрал жадный шериф Ноттингемский.

Взял Вилли Верный в руки дубинку, крепко отколотил слуг шерифа. Потом навсегда ушёл в зелёный вольный Шервудский лес вместе с женой и маленьким сыном.

Вырос Робин крепким и ловким. Глаза зоркие, как у сокола, ноги быстрые, как у оленя. И уж никто не сможет сравниться с ним в стрельбе из лука. Догонит его стрела птицу в полёте, ветер в поднебесье.

Как-то раз увидел с верхушки дерева Робин Гуд: бежит по дороге через Шервудский лес толстый монах. Еле дышит, отдувается. А за ним, как стая гончих собак, слуги шерифа Ноттингемского. Один уже верёвку держит наготове — связать монаха.

Но другое удивило Робина Гуда: бежит монах и прижимает к груди большущий мешок. Ему бы мешок за спину перекинуть, тогда бежать куда легче. Нет, прижимает его к груди монах, как самое большое сокровище.

«Эге! — смекнул Робин Гуд. — Видно, в мешке награбленное золото да серебро. А то и камешки, и не такие, как в нашей речке на дне блестят».

Призывно запел рог Робина Гуда. Невесть откуда разом появились зелёные стрелки. Кинулись наутёк слуги шерифа, роняя на бегу луки, ножи, посыпая дорогу стрелами.

— А я догадался, кто ты! — чуть отдышавшись, сказал монах. — Наслышан я о тебе. Кто бранит тебя, Робин

Гуд, на чём свет стоит, а кто готов молиться на тебя, как на икону.

Робин Гуд сначала досыта накормил монаха, напоил крепким элем, а потом так сказал ему:

— Что-то ты, святой отец, уж очень крепко прижимаешь к себе вот этот большой мешок. Верно, там у тебя немалые сокровища. А разве не учили тебя в монастыре, что истинный христианин должен всё раздать бедным? Сказать по правде, бедней нас, пожалуй, ты никого и не сыщешь. Ни дома, ни скотины, ничего нет у нас. Живём, как птицы небесные.

Улыбнулся монах:

— Ты прав, Робин Гуд, здесь у меня в мешке самое большое сокровище, которым только владеет смертный человек на этой земле. И я охотно поделюсь с каждым, кто захочет.

Развязал свой мешок монах, а там Библия и книги святых отцов. Хлопнул монаха по плечу Робин Гуд:

— Ты мне нравишься, толстяк! Хочешь, отправляйся восвояси, никто те-

бя и пальцем не тронет в нашем зелёном лесу. Хочешь — оставайся с нами.

— Некуда мне идти, — грустно сказал монах. — В монастыре Святого Бенедикта ждёт меня подземелье с решётками, а то и петля.

— Что так? — удивился Робин Гуд. — Чем ты заслужил такую милость?

— Сам знаешь, какой нынче выдался год, — вздохнул монах. — Всё дожди да дожди. Голодает народ. А у нас в монастыре в закромах гниёт зерно. Открыл я кладовые, да так понемножечку да почуточку и того... всё раздал. А святая братия, уж и не знаю с чего, на меня с кольями да с палками. Так что уж лучше, если позволишь, Робин Гуд, останусь я здесь, в зелёном Шервудском лесу!

Вот и остался монах в Шервудском лесу. Сплёл себе шалаш из гибких веток. А потом оказалось, что и боец он не из последних. Так стучала его дубинка, что по всему лесу раздавалось: тук-тук-тук! Потому и прозвали его зелёные стрелки — отец Тук.

— Если кого убьют в бою, я отслужу панихиду. Похороним по обряду, как следует христианину, — говаривал отец Тук. — А ты парень статный, красивый, Робин Гуд. Найдёшь себе невесту по сердцу, я вас с превеликой радостью обвенчаю.

— Да кто за меня пойдёт, ведь я нищий бродяга, объявлен вне закона, — отвечал на это Робин Гуд, и его весёлые глаза туманила грусть. — Разве что обвенчаешь меня вот с этой молодой берёзкой или рябиной. Или ты не знаешь, что шериф Ноттингемский назначил за мою голову сорок золотых? Разбогатеет тот, кто меня выдаст.

— Гореть такому предателю вечно в аду! — в сердцах говорил на это отец Тук.

Однажды шёл Робин Гуд по Шервудскому лесу проверить силки и капканы, и вывела его дорога к реке. Была речушка неширокой, но быстрой и холодной. Били там со дна ледяные ключи. Потому и называлась эта речка Ключевая.

Через речку перекинут мост — всего три узких дощечки, вдвоём не разминуться. Только ступил Робин на мост, как слышит голос:

— А ну, уступи дорогу, зелёный стручок!

Поднял Робин Гуд голову, а с другой стороны на мост шагнул широкоплечий верзила. Ростом так высок, что, верно, ни в одну дверь не войдёт, придётся наклониться.

— Никогда ещё я не пятился назад! Ты сойди с моста! — откликнулся Робин Гуд.

Сошлись они посреди моста. Завязалась горячая схватка, дубинки так и замелькали в воздухе. Сыплются удары, ни один не уступает другому в силе и ловкости. Только вдруг подломились узкие доски, и рухнули оба удальца в ледяную воду. Вылезли они на берег, отряхнулись и расхохотались от души.

— Меня зовут Джон Кузнец. Да только какой я кузнец без кузницы? Всё-всё отобрал за долги сэр Симон, шериф Ноттингемский, будь он проклят! —

сказал Джон Кузнец, выливая воду из башмака. — Послушай, Робин Гуд, возьми меня в свою дружину, не пожалеешь!

— Что ж, будь по-твоему! — улыбнулся Робин Гуд. — Только уж очень ты вырос громадный. Потому не взыщи, отныне имя твоё Маленький Джон. Согласен?

— Согласен! — весело кивнул Маленький Джон.

Так они стали друзьями, Маленький Джон и Робин Гуд. Друзьями на всю жизнь.

Как-то шёл Робин Гуд лесом и вдруг услышал незнакомые голоса. Идут по дороге два монаха. Один тощий, высокий, ноги длинные, как у журавля, другой — кривоногий коротышка. У каждого за пояс заткнут увесистый кошель. А коротышка ведёт за собой на верёвке пёструю корову.

— Славно мы обобрали вдову Блейк, — сказал высокий монах и подмигнул второму, коротышке на кривых ногах. — Вдова всё твердила, что у неё

крыша, как решето. Клялась, что эти монеты у неё последние, не пережить ей зиму, замёрзнет. Ветер так и гуляет по дому. Ну, да нам что за дело?

Длинный монах с довольным видом похлопал ладонью по увесистому кошельку.

— Будет доволен сэр Симон, шериф Ноттингемский. И нам, скромным служителям Божьим, кое-что перепадёт.

«Служителям сатаны...» — подумал Робин Гуд. Неслышно, как рысь, крался он за кустами, стараясь не пропустить ни словечка.

— А хохотушка Мэгги Добрые Руки? — подмигнул коротышка. При этих словах печально замычала пёстрая корова, которую он вёл на верёвке. — Давненько я не слышал её смеха! А сегодня и вовсе одни слёзы да причитания. Как я стал выводить со двора корову, она в слёзы. Молит, руки мои целует. Ведь у неё пятеро ребятишек. Они запищали. Ну да меня никаким писком не проймёшь. Будет доволен

шериф Ноттингемский. Любит он рога-
тую скотину.

«Ну погоди, сейчас ты сам у меня за-
пищишь!» — в гневе подумал Робин
Гуд, и громко, на весь лес, запел его ро-
жок.

Невозможно описать, что стало с мо-
нахами при первых звуках охотничьего
рожка Робина Гуда.

Коротышка бросил верёвку, схва-
тил кожаный кошель, висящий на по-
ясе, и сунул его в кусты. Туда же кинул
свой кошель высокий, длинноногий
монах.

Мигом их окружили зелёные стрел-
ки. У каждого в руках лук, тетива натя-
нута.

— Э, да это птички из монастыря
Святого Бенедикта! — воскликнул отец
Тук. — Добрая слава о них идёт. Никто
не умеет так ловко обобратить бедняка,
вытянуть последний грош!

— А это чей кожаный кошель в ку-
стах, а вон и второй? — спросил Робин
Гуд. — Не ваши ли это пожитки, свя-
тые отцы?

— Что ты, что ты, откуда им у нас взятыся? — заголосили монахи. — Знать о них ничего не знаем!

— Ну, если они ничьи, так кому-нибудь пригодятся, — засмеялся Робин Гуд. — Дошёл до меня слух, что у вдовы Блейк крыша, как решето. Тут как раз хватит серебра и крышу починить, и дом подправить.

Робин Гуд расстелил на траве плащ, высыпал на него звонкие монеты. Жадными, тоскливыми глазами смотрели монахи на уплывавшее из их рук награбленное серебро. Да ничего не поделаешь, надо молчать.

— А корова откуда, братья мои? — спросил отец Тук монахов. — Славная скотинка.

— Не знаем, не знаем! — замахал руками коротышка. — Приблудилась по дороге тварь рогатая. Плетётся за нами, мычит, никак не отстаёт.

— Так, может, отвести её в деревню к Мэгги по прозвищу Добрые Руки? — с невинным видом сказал Робин Гуд. — У Мэгги пятеро ребятишек, там корова как раз ко двору.

Потом, по обычаю, сытно накормил обоих монахов Робин Гуд, напоил добрым элем.

Все сели вокруг костра. Наступил вечер. Жарко горели сухие поленья, стреляли искрами до самых звёзд.

Угостил монахов Робин Гуд и жареным фазаном, и куропатками. Давятся монахи, кусок в горло не лезет. Об одном думают: как бы живыми убраться из Шервудского леса.

— Ну а что ещё нового слышно в славном городе Ноттингеме? — спросил Робин Гуд. — А то мы, бедные люди, живём в глухом лесу, ничего не знаем, совсем одичали.

— Н... ничего... — еле выдавил из себя длинный монах. — Ничего не слышно нового, почтеннейший господин.

А коротышка затараторил:

— А как же, а как же, завтра, в День святого Петра, приказал шериф Ноттингемский устроить состязание лучников. Победитель получит серебряную стрелу с золотым наконечником. А вручит её красавица леди Мэриен, пле-

мянница самого сэра Симона, шерифа Ноттингемского, пошли ему Бог здоровья...

— Здоровья? — недобро прищурился Робин Гуд.

— Болезней всяких, бед да разоренья... — залепетали перепуганные на смерть монахи.

— Вот что, зайцы монастырские, — сурово сказал Робин Гуд. — На этот раз отпускаю вам вашу вину. Но берегитесь, если услышу, что вы снова взялись за прежнее. Тут уж несдобровать вам.

— Что ты, что ты, дорогой господин. — Монахи съёжились от страха. — Мы и носа не высунем из монастыря. Всё будем молиться в кельях о вашем здравии...

Монахи выбрались на освещённую луной дорогу и бросились бегом подальше от пылающего костра и зелёных стрелков.

— Ишь, как побежали налегке! — засмеялся Аллан Из Долины. — А то едет слуга шерифа, так его, бедолагу, совсем

набок перекосило, потому как везёт целый мешок награбленного добра. И ещё потеет в бархатном плаще на меху. Надо же помочь несчастному, чтобы пошёл пешочком, по прохладе, да без тяжёлой поклажи. Что скажешь, отец Тук?

— Доброе дело всегда угодно Господу. — Отец Тук поднял глаза к звёздному небу и вздохнул. — И то сказать, голодает бедный люд. Последнее норовит отобрать шериф Ноттингемский. А уж барон Гай Гисборн — тот хуже лютого зверя. Кто задолжал ему медный грош, тот, считай, погиб. Сгноит его заживо в подземелье своего замка Биркенар.

И, словно отвечая этим печальным словам, в глубине леса протяжно ухнула сова, будто застонала.

— А ты что примолк, Робин Гуд? — спросил отважный Стейлок Стриженный Хохол. — О чём размечтался?

— Охота мне завтра заглянуть в славный город Ноттингем, — задумчиво сказал Робин Гуд. — Завтра там состязание лучников. Эта забава как раз по мне.

— Опомнись, сын мой! — вскинул руки отец Тук. — Зачем самому лезть головой в петлю? Нашёл себе забаву. Ведь ты не мальчик!

— Твоя правда, отец Тук, не мальчик я, — весело откликнулся Робин Гуд. — Заскучали в колчане мои стрелы! Хочется мне проверить, так ли метко я стреляю, как говорит молва...

Надел Робин Гуд на себя лохмотья нищего, нахлобучил на голову драную шапчонку и поутру отправился в Ноттингем.

Большая толпа народа собралась на поляне возле северных ворот. Под белой городской стеной построен высокий помост. Восседает на нём сам сэр Симон, шериф Ноттингемский, в богатой мантии, с золотой цепью на груди. Рядом с ним его племянница леди Мэриен.

Круглая сирота она. Мать её умерла, когда Мэриен была ещё малюткой. Отец, граф Фитцуолтер, погиб, сражаясь в далёких странах.

Заявил сэр Симон, что, снаряжая в поход графа Фитцуолтера, дал он под

залог шестьсот фунтов серебра и потому теперь по праву принадлежит ему родовой замок графа и все угоды. А нищую сиротку, крошку Мэриен, он возьмёт к себе из милости и воспитает. Все приближённые шерифа знали, что сэр Симон не дал графу и медного гроша. Знали, но молчали, всем известна жадность шерифа Ноттингемского и его крутой нрав.

Так и росла Мэриен в замке сэра Симона, стараясь не попадаться ему на глаза. А он и думать забыл о маленькой племяннице.

Но к шестнадцати годам расцвела леди Мэриен, как распускается роза под летними лучами.

Нет на Мэриен никаких драгоценностей, кроме кольца на тонком пальчике, кольца её покойной матери. Но к чему ей украшения? Чистым живым золотом льются на плечи блестящие кудри, как небесная лазурь, сияют синие глаза. Её прелестное лицо прозрачно, как льдинка, а щёки окрашены нежным румянцем.

Увидал её как-то в саду замка барон Гай Гисборн, и чёрная страсть вспыхнула в его сердце. День и ночь думает он о красавице Мэриен.

Нет человека богаче Гая Гисборна во всём Ноттингемском графстве. Ему принадлежат тучные пастбища, несметные стада, озёра, полные рыбы, и неприступный замок Биркенар, окружённый зубчатой стеной.

Посватался к леди Мэриен сэр Гай. Но всё вышло не так, как хотел надменный рыцарь. Вдруг заупрямилась тихая, послушная девушка:

— Нет, нет, не бывать этому! Лучше я уйду в монастырь, навеки скроюсь от мира. Но никогда я не буду женой сэра Гая Гисборна!

И тогда вот что сказал сэр Гай шерифу Ноттингемскому:

— Покупаю я себе золотую утварь, бесценные персидские ковры. Почему не могу я купить себе красавицу жену? Сколько скажешь, не скупясь, заплачу тебе за леди Мэриен, сэр Симон. Только сможешь ли уломать упрямицу?

Понравились его слова шерифу сэру Симону. Он наполнил два кубка старинным драгоценным вином.

— Вижу, вижу, как горят твои глаза, сэр Гай, — усмехнулся шериф. — Не печалься. Девушки часто плачут да строптивятся перед свадьбой, но это так, для виду. Не захочет добром, силой увезёшь ты Мэриен в свой замок Биркенар и там с ней обвенчаешься. Станет она покорной женой. Хо-хо! Провалиться мне на месте, если мы не справимся с девчонкой!

Так они и порешили...

Тем временем зазвучала труба. Для начала подручные шерифа отнесли круглую мишень на двести шагов.

— Что ты так бледна, невеста моя, ни кровинки в лице? — Сэр Гай Гисборн подошёл к леди Мэриен и властно, как хозяин, взял её за руку. — Сегодня я буду стрелять в твою честь, моя красавица!

— Я ничем не заслужила этого, — тихо ответила Мэриен, стараясь высвободить свои тонкие пальцы из его руки.

Целая толпа ноттингемских лучников вышла на поле. Есть среди них прославленные стрелки. И каждому дано право выстрелить три раза.

Засвистели в воздухе стрелы одна за другой. Но ни один лучник не попал в середину мишени.

А когда отнесли мишень на триста шагов, вздох пронёсся по толпе. Трудно попасть в цель!

И правда, одна за другой мимо летят стрелы.

Но вот вышел на поляну сэр Гай Гисборн. Небрежно сбросил плащ, отороченный горностаем, на руки слуге.

Лук его украшен костяными пластинами и золотом.

Зазвенела тетива. Первая стрела пролетела мимо, вторая за ней. Опять промах.

В третий раз прицелился сэр Гай. Запела стрела. Посреди мишени красный кружок. Рядом вонзилась стрела, но в кружок не попала.

Встал шериф, широко улыбнулся и поднял руку. И тут же слышались подобострастные голоса:

— Славно стреляет сэр Гай!

— Нет лучшего стрелка в Ноттингемском графстве!

— Он заслужил серебряную стрелу!

Посмотрел шериф на сидящую рядом с ним Мэриен.

— Что ж ты медлишь, леди Мэриен? Вручи победителю завоёванную награду!

В это время, прихрамывая, вышел из толпы бродяга-нищий. Не то горбат, не то скособочила его болезнь.

— Позволь, сэр шериф, и мне попытаться счастья!

Рассмеялся шериф:

— Да какое у тебя счастье, оборванец? Что ж, потешь нас! Только смотри, не угоди, бродяга, вместо мишени в ворону на городской стене.

Выпрямился парень. Э, да он высок ростом и строен. Прицелился. Зазвенела тетива. Попала стрела прямо в середину мишени. Ещё дрожит стрела, а уже вторая летит вдогонку и тоже прямёхонько в красный кружок.

— А теперь я выбью твою стрелу из мишени, сэр Гай Гисборн! — усмехнул

ся стрелок в лохмотьях. — Ишь, при-
строилась твоя стрела рядом с моими
как незваная гостья.

Выстрелил парень и расщепил стре-
лу сэра Гая. Посыпались на траву ост-
рые обломки.

Гул пронёсся над толпой. Виданное
ли дело! Вот это стрелок так стрелок!

— Он заслужил стрелу!

— Он победитель!

Встала леди Мэриен, взяла в руки
сверкающую серебряную стрелу.

— Шапку сними, невежа! — в гневе и
досаде крикнул шериф.

Один из слуг грубо сорвал потёртую
шапчонку с головы парня. Стоит ни-
щий оборванец перед Мэриен — у обоих
волосы светлые, отливают золотом на
солнце, и глаза у них похожие, у обоих
синие, ясные.

Вспыхнули жарким румянцем щёки
леди Мэриен. Не дыша, глядит на неё
победитель.

Они словно забыли, что вокруг них
шумная толпа, кажется им — они одни
на свете.

— Возьми эту серебряную стрелу, она твоя по чести и праву!

Почему так нежно звучит голос девушки, почему дрожит её рука? Преклонил одно колено победитель, взял стрелу и благоговейно её поцеловал.

И тут изумились все. Запел в лесу соловей, хотя солнце стоит высоко. Говорят старые люди: случается такое чудо, когда в мир приходит великая любовь.

В это время крикнул высокий монах с ногами, как у журавля:

— Смотрите! Да это же Робин Гуд!

— Он, он самый, разбойник! — ещё громче завопил коротышка в монашеской рясе.

Опомнился шериф:

— Эй, слуги, стража! Схватить его!

Как спущенные с цепи псы, кинулись городские стражники на Робина Гуда.

Но тут затрубил сигнальный рожок. Выбежали вольные стрелки из толпы, разбрасывая людей направо и налево. Стеной окружили Робина Гуда.

Натянули стрелки свои могучие луки, дрогнули люди шерифа, кинулись врассыпную. А когда опомнились, глядят — нет на поляне ни Робина Гуда, ни вольных стрелков. Только, замирая, всё тише и тише поёт соловей песню любви в глубине Шервудского леса.

Весело празднуют вольные стрелки победу Робина Гуда. Трещит костёр, горячий воздух раскачивает ветви сосны над ним.

— Что с тобой, сын мой? — обеспокоенно спросил отец Тук. — Ты глядишь и словно не видишь, улыбаешься, но словно какая-то печаль гнетёт тебя.

— Одна печаль у меня, один прекрасный образ передо мной, — со вздохом сказал Робин Гуд. — Хочу прогнать и не могу. Хочу забыть и не в силах.

— Эта девушка не для тебя, — пристально взглянул на него отец Тук. — Она знатна и богата. А ты...

В это время трижды ухнул филин в глубине леса. Условный знак! И правда, скоро послышался негромкий топот

копыт по заросшей травой дороге, ведущей в Ноттингем.

Робин Гуд резво вскочил на ноги, потряхнул головой, отгоняя невесёлые думы.

— Похоже, к нам незванный гость!

Едет по дороге старый рыцарь в изрубленной мечами кольчуге, низко опустил голову на грудь. За плечами у рыцаря поношенный плащ.

Прямо перед ним на дорогу выбежали Маленький Джон и Аллан Из Долины. Схватили лошадь рыцаря под уздцы.

— Постой, благородный рыцарь, не спеши. Спешка только помеха в деле! — сказал Маленький Джон. — Робин Гуд, наш славный предводитель, приглашает тебя отобедать с ним да ещё побеседовать.

— Спасибо за честь! — ответил рыцарь и спешился. — Рад познакомиться с самим Робинот Гудом. Только невесёлый я собеседник.

Тем временем поспело сочное жаркое и жаренные на вертеле куропатки.

Осушил приезжий рыцарь кружку доброго эля.

— Однако, сэр рыцарь, за сытный обед надо платить, — усмехнулся Робин Гуд. — Верно, есть у тебя замок и богатые уголья. А как отобрать последнее у бедняка, так на это вы, рыцари, большие умельцы!

— Я, Ричард Ли, никогда ещё не обидел того, кто в нужде! — вспыхнул от гнева рыцарь. — А если сам я беден, так не оттого, что прокутил на пьяных пирах своё богатство.

— Все вы, монахи и рыцари, любите притворяться бедняками. А что на самом деле, мы скоро узнаем, — с насмешкой сказал Робин Гуд. — Ну-ка, Маленький Джон, вытряхни мешок рыцаря, что привязан к его седлу. Посмотрим, насколько наш гость правдив и честен!

Вытряхнул Маленький Джон мешок, упала на траву краюха хлеба и дорожная фляга с водой. Вот и всё богатство рыцаря!

— Рад я, что ты сказал правду! — вскричал Робин Гуд. — Однако поведай

мне, как ты дошёл до такой нужды, что с тобойстряслось?

Сели рядышком под дубом Робин Гуд и сэръ Ричард Ли как старые друзья. И рыцарь начал свой рассказ:

— Бился мой единственный сын Оливер Ли в городе Ноттингеме на турнире. И надо же случиться такой беде — смертельно ранил он в честной схватке младшего брата барона Гая Гисборна. А шериф Ноттингемский объявил, что убил его Оливер не на турнире, а подло из-за угла. Хоть и много было свидетелей, что честно бился мой сын, да всем рот заткнул барон Гай Гисборн, кому угрозами, а кому золотом. Ну а шерифу Ноттингемскому только того и надо, давно он меня ненавидит, к тому же алчен он и жесток. Бросил он Оливера в тюрьму, в глубокое подземелье без окон. Чтобы выкупить любимого сына, заложил я все свои земли и мой Вирисдельский замок шерифу. Должен я вернуть ему свой долг сегодня до захода солнца, а иначе...

Горестно умолк старый рыцарь.

— А много ли ты задолжал шерифу Ноттингемскому? — нахмурившись, спросил Робин Гуд.

Долго молчал Ричард Ли и наконец с трудом проговорил:

— Четыреста фунтов серебра...

— Да, попал ты в железный капкан, сэр рыцарь, — с сочувствием посмотрел на него Робин Гуд.

— Я буду молить шерифа сэра Симона об отсрочке, — неуверенно сказал старый рыцарь. — Может, пожалеет он меня и мою больную жену.

— Пожалеет ли волк пойманную овечку? — присвистнул Робин Гуд, а отец Тук глубоко вздохнул.

— Да поможет мне Господь Бог и все святые, — негромко проговорил сэр Ричард Ли и добавил с отчаянием: — Иначе судьба мне на старости лет бездомным скитаться по дорогам, есть чужой горький хлеб. Видно, нет правды на свете!

— Нет правды на свете, но ведь мы-то есть! — весело откликнулся Робин Гуд. — А ну-ка, Маленький Джон, посмотри:

может, выросли на орешнике вместо листьев звонкие монеты? Ну, так и есть! И как раз четыреста фунтов.

А Маленький Джон уже тащит припрятанную в пещере тяжёлую кожаную суму.

Не ждал, не ждал шериф Ноттингемский, что привезёт Ричард Ли свой долг! Он уже считал своими и Вирисдельский замок рыцаря, и его угоды. Заскрипел зубами от злости сэр Симон, а делать нечего. Пришлось вернуть долговые расписки рыцарю Ричарду Ли.

«Где взял этот нищий четыреста фунтов серебра? — Сэр Симон в ярости метался по зале, разогнал слуг, пнул ногой борзую собаку. — Не иначе как помог ему проклятый Робин Гуд! Но наступит час, и я сквитаюсь с лесным разбойником, не быть ему живым... А сейчас время подумать о свадьбе моей красотки племянницы. Завтра на рассвете увезёт её барон Гай Гисборн в свой неприступный замок Биркенар. Немалые деньги обещал мне заплатить Гай Гисборн после свадьбы за то, что я си-

лой заставлю малютку Мэриен поехать с ним. Нет, меня не разжалобишь ни слезами, ни вздохами...»

Как всегда, чуть свет проснулся Робин Гуд. Ещё утренний туман обвивал стволы деревьев и сверкала роса на каждой травинке.

Услыхал Робин Гуд стук копыт на проезжей дороге.

«Кому ещё не спится в такую рань?» — подумал Робин Гуд и вышел на дорогу. Он увидел шесть вооружённых стражников. Под их охраной ехал Гай Гисборн на могучем вороном коне. Он вёл под уздцы белую ездовую лошадку.

В седле сидела тоненькая девушка, вся закутанная в бархатный плащ, с низко опущенным капюшоном, лица не разглядишь.

— Отпустите меня, сэр Гай! — услышал Робин Гуд полный отчаяния голос. Похоже, девушка плачет.

— Куда вы везёте эту леди, барон Гисборн? — Робин Гуд одним прыжком очутился посреди дороги. Наложил стрелу на тугую тетиву лука.

— Это разбойник Робин Гуд! — повелительно крикнул Гай Гисборн стражникам. — Схватить негодяя! Поймайте его, шериф Ноттингемский озолотит вас!

Запела стрела, Гай Гисборн схватился за простреленное плечо и выпустил поводья белой лошадки. Девушка мгновенно повернула лошадь и пустила её вскачь в сторону от дороги, по зелёной поляне в спасительную глубь Шервудского леса.

Призывно запел рожок, и вот уже Робина Гуда полукругом окружили верные зелёные стрелки.

Один из слуг подхватил Гая Гисборна.

— Нам не справиться с ними, господин! — шепнул он. — Всем известно, они стреляют без промаха.

— Проклятье! — простонал барон. — Отвезите меня в замок, я истекаю кровью...

Гай Гисборн склонился головой на шею коня.

Но больше, чем боль в раненом плече, его терзали ярость и злоба.

«Я ещё сквитаюсь с тобой, Робин Гуд! А леди Мэриен будет моей, чего бы мне это ни стоило. Ей нигде не скрыться от меня. В монастыре Святого Мартина? Аббатиса¹ выдаст её мне, монастырю нужны деньги, а я заплачу не скупясь. Если она вернётся в Ноттингем, в замок шерифа, из его рук я получу упрямую беглянку...»

А зелёных стрелков и Робина Гуда уже и след простыл.

Возле ручья остановила свою белую лошадь всадница. Подъехал к ней Робин Гуд.

— Куда прикажете отвезти вас, леди? — почтительно спросил он.

Откинула девушка капюшон, и Робин Гуд увидел прелестное лицо Мэриен. Золотые кудри блестят в лучах утреннего солнца, но на длинных ресницах ещё дрожат слёзы.

— Я — как птица, попавшая в тугие силки, — печально сказала девушка. —

¹ А б б а т и́ с а — настоятельница католического монастыря.

Ни стены Ноттингема, ни келья монастыря Святого Мартина не спасут меня. Для барона Гая Гисборна нет замков и преград. Он всюду найдёт меня.

— Так оставайтесь здесь, в Шервудском лесу! — горячо воскликнул Робин Гуд и тут же осёкся, опустил голову. Разве согласится знатная девушка, привыкшая к роскоши и богатству, жить в лесу, в шалаше, сносить холод и непогоду?

— Я и мечтать не смела о таком счастье, — тихо сказала Мэриен. Она взглянула в лицо Робину Гуду, и глаза её, полные нежности и любви, досказали остальное.

Среди деревьев, одетых в свежую весеннюю листву, обвенчал отец Тук красавицу Мэриен и Робина Гуда. Стройные берёзки стояли, как свечи, а солнце накрыло поляну золотым куполом. Поцеловал Робин Гуд свою юную жену, и они поклялись быть верными друг другу до самой смерти...

Как бешеный зверь, мечется Гай Гисборн в высокой башне своего замка Биркенар. Что-то выкрикивает без толку

и смысла. Говорят, он сошёл с ума, когда услышал, что осталась прекрасная Мэриен в Шервудском лесу. Один из слуг неосторожно сказал ему, что видел Мэриен в костюме из зелёного линкольнского сукна. Она стояла на мосту над Ключевой рекой, склонив голову на плечо Робина Гуда. С обнажённым мечом бросился безумец на слугу, еле успел убежать бедняга.

От злости пожелтел сэра Симон, шериф Ноттингемский. Не даёт ему покоя мысль, что проплыли мимо него денежки сэра Гая Гисборна, обещанные за ле-ди Мэриен.

— Пора расправиться с этим наглым разбойником! — заявил шериф. — Робин Гуд возомнил себя королём Шервудского леса! А его зелёные стрелки все как один изменники и грабители. Кошель золота тому, кто принесёт мне в мешке голову Робина Гуда! За живого дам втрое больше.

Послал шериф в Шервудский лес отряд своих стрелков и так напутствовал их:

— Прочешите лес, как девушка чешет частым гребнем свои волосы. Никого не упустите. Есть там беглый монах, отец Тук. Если приведёте его связанным, на той же верёвке повешу его. Пусть на каждой поляне лежат убитые вольные стрелки. Одним ударом хочу я разорить осиное гнездо! А мою племянницу привезите ко мне в Ноттингем. Ждёт её золотая клетка.

И надо же случиться, что как раз в этот день, едва солнце позолотило верхушки деревьев, отправился Робин Гуд вместе с Мэриен в гости к своему другу сэру Ричарду Ли в Вирисдельский замок. Сердечно встретили гостей Ричард Ли и его жена леди Элейн.

А тем временем идут цепочкой по Шервудскому лесу стражники, посланные шерифом. Их много — не сосчитать, идут они уверенно, ничего не боясь.

Завязалась битва. Пронзая листву, летят стрелы. Гремят мечи, сыплются искры.

Хоть и охота разбогатеть наёмникам, но жизнь всё равно дороже!

Отступили слуги шерифа. Да вот несчастье! Захватили они в плен трёх вольных стрелков. Связанными волокут по дороге к Ноттингему Маленького Джона, Стейлока Стриженный Хохол и Аллана Из Долины. Видно, больше не видать им зелёного Шервудского леса! Видно, болтаться им на виселице в городе Ноттингеме на поживу воронью.

Скачет мельник Мук по дороге в Вирисдельский замок, погоняет коня.

— Недобрую весть я привёз тебе, Робин Гуд!

Побледнела Мэриен. Знает она, как отважен и благороден её супруг, не бросит он друзей в беде.

— Мэриен, жизнь моя, ты мне дороже всего на свете! — сказал Робин Гуд. — Остайся здесь, в замке, под защитой сэра Ричарда и доброй леди Элейн. Здесь ты будешь в безопасности, окружённая нежной заботой. А я должен спешить, вот уже ведут осёдланного коня.

Поцеловал Робин Гуд Мэриен в глаза, полные слёз, и громко прозвенели копыта его коня по подъёмному мосту.

— Храни тебя Господь и все святые, — прошептала Мэриен, глядя ему вслед.

Мелко моросил весенний дождь, долго совещался Робин Гуд с вольными стрелками под могучими ветвями старого дуба.

— Надо бы разведать, крепки ли замки у ноттингемской тюрьмы и много ли сторожей, — сказал Робин Гуд.

Вдруг послышался скрип колёс и стук копыт. Едет по дороге в Ноттингем какой-то крестьянин на старой тележке, запряжённой гнедой кобылой.

— Здравствуй, приятель, — остановил крестьянина Робин Гуд. — Вижу, держишь ты путь в Ноттингем. Ведь сегодня базарный день. Что ты везёшь?

— Да вот везу на продажу мясо. Хорошее мясо, — ответил крестьянин.

— Ну, если на продажу, то нечего тебе спешить, ты уже нашёл покупателя, — сказал Робин Гуд. — Покупаю твой товар, а заодно и лошадку с телегой. Да вот ещё: давай-ка поменяемся с тобой одеждой...

Довольный отправился крестьянин в обратный путь, пояс его оттягивал тугой кошель.

А Робин Гуд смазал лицо снадобьем из тайных трав, и стало его лицо тёмным и загрубелым. Так, пощёлкивая кнутом, погоняя кобылку, Робин Гуд поехал в Ноттингем.

Тем временем дождь кончился, вышло солнышко из-за туч. Блестят умытые дождём городские крыши, ворота распахнуты.

Стражники и не взглянули на Робина Гуда, одна за другой гремят телеги.

Выехал Робин Гуд на базарную площадь. Откинул холстину, прикрывавшую мясо, предлагает свой товар. Да так дёшево, что мигом сманил всех покупателей. Берёт за хороший кусок говядины один медный грош.

Шумят, бранятся мясники. Старший из них побежал к шерифу:

— Ваша милость, там какой-то деревенский дурень продаёт говядину за гроши. Совсем сбил цену. Никто у нас не покупает, а около него толпа.

Вышел шериф на базарную площадь. Блестит на груди золотая цепь. Взгляд суровый, брови насуплены, не подступись.

— Ты что, спятил? — грозно спросил шериф. — Почему так дешёво продаёшь мясо? Весь базар перебаламутил. Почему не берёшь настоящую цену?

Низко-низко поклонился Робин Гуд.

— Да откуда мне знать цену, ваша милость? — заикаясь, словно бы от страха, пробормотал Робин Гуд. — Первый раз я на базаре, никогда из своей деревушки не выезжал. Батюшка мой всегда на базар сам ездил. Да вот неделю назад помер мой батюшка, царство ему небесное! Досталось мне в наследство большое стадо рогатой скотины. Что с ними делать, ума не приложу! Бодаются, есть просят, надоели до смерти, продать бы их.

— А сколько голов в твоём стаде? — заинтересовался шериф.

— Я их не считал, да, наверное, с тысячу наберётся, не меньше.

— С тысячу? — обрадовался шериф. — Ну так, если недорого возьмёшь, я всю твою скотину покупаю.

Быстро они сторговались. Всего один кошель серебра запросил парень за всё стадо. Доволен шериф, попался ему деревенский дурачок, грех такую удачу упустить.

— Брось свою телегу здесь, дружок, — сказал шериф. — Дам я тебе хорошего коня. Поехали засветло твоё стадо смотреть.

Но тут упёрся деревенский простачок.

— Не уеду я из города, пока не посмотрю, что тут да как. Может, я сюда больше никогда и не попаду. Говорят, живёт здесь сам господин шериф. И будто у его дома крыша из чистого золота. Вот, думаю, красота, только не тяжела ли она, не придавит ли хозяина ненароком?

Приказал шериф своим слугам провести парня по всему Ноттингему, всё показать, что захочет.

Но больше всего понравилась дурачку каменная тюрьма. Потрогал он,

крепки ли тюремные двери, оглядел замки.

— Что ж, — говорит, — много тут дикувинок, всего я насмотрелся, теперь можно и в путь.

Вот подъехали шериф и Робин Гуд к Шервудскому лесу.

— Где ж твоё стадо, парень? — нахмурился шериф. — Недоброе это место. Дальше я не поеду.

— Да тут недалеко, ваша милость, рукой подать, — отвечает Робин Гуд. — Пасётся стадо на зелёной поляне. Чем же это недоброе место? Моя рогатая скотина хвалит не нахвалится. Где ещё сыщется такая трава, густая, нехоже-ная?

Страшно шерифу въезжать в Шервудский лес, да жадность взяла верх. Проехали они поляну, не видать стада.

— Уж не гневайтесь, ваша милость, — усмехается парень. — Видно, пока я был в Ноттингеме, моя скотина без присмотра ушла за Ключевую речку пастись. Там трава о-го-го какая!

Подъехали они к Ключевой речке. Мигом соскочил парень с седла, скинул с себя рваную одёжку, ополоснул лицо в воде...

Ахнул шериф — перед ним сам Робин Гуд в костюме из зелёного сукна. Хочет шериф поворотить коня, да руки дрожат, не слушаются, а Робин Гуд уже схватил коня под уздцы.

Поднёс Робин Гуд к губам свой рожок и затрубил.

В тот же миг выбежало из лесной чащи множество оленей. Мчатся олени так, что земля дрожит. Прямо через реку, поднимая фонтаны брызг. Гонят их вольные стрелки.

— Доволен ли ты сделкой, сэръ шериф? — засмеялся Робин Гуд. — Хороша моя рогатая скотина, шкурки так и блестят!

Делать нечего, отдал шериф кошель с серебром. А сам думает, лишь бы живым вернуться из Шервудского леса.

— Теперь, по нашему обычаю, угощу я тебя обедом. Никто ещё не уехал из Шервудского леса голодным. И отдай

мне свой золотой перстень с печатью. Тебе приглянулось моё стадо, а мне понравилась каменная тюрьма с железными дверями в Ноттингеме. Хочется ещё разок на неё посмотреть!

Накинул Робин Гуд на себя тёмный плащ, вместе с ним отправились в Ноттингем ещё двое стрелков. Едут они, а за собой ведут трёх осёдланных лошадей.

Тем временем ночь наступила, звёзды высыпали. Стражники у городских ворот не хотели их пустить.

— Эй вы, олухи, протрите глаза! — грозно прикрикнул на них Робин Гуд. — Не видите, что ли, перстень самого сэра Симона, шерифа Ноттингемского?

Блеснул в лунном свете золотой перстень. Распахнули стражники ворота, пропустили Робина Гуда.

Вот и неприступная ноттингемская тюрьма. Высится тёмной громадой. Ни крики, ни стоны не пробьются сквозь её тяжёлые каменные стены.

Не дремлет стража у дверей.

— Кто вас знает, проходимцы! — упёрся главный тюремщик. — Вижу

перстень, да этого мало. Спит сейчас сэс шериф на пуховиках у себя в постели, кто осмелится его среди ночи потревожить? Вот проснётся утром сэс шериф, его воля — пустить вас или нет.

— Не на пуховиках спит шериф, а на охапке прошлогодних листьев, — ответил Робин Гуд.

Мигом связали вольные стрелки тюремных стражников, отобрали ключи.

Вывели на волю Маленького Джона, Аллана Из Долины, Стейлока Стриженный Хохол. Те еле держатся на ногах от пыток и голода. Благо прихватил с собой Робин Гуд трёх крепких коней.

Едет Робин Гуд по дороге к Шервудскому лесу. Хоть стоит глухая ночь, а он поёт, как жаворонок.

Проехали они полпути, а навстречу им шериф Ноттингемский. Бредёт по дороге пешком, со страхом озирается по сторонам, шарахается от каждого куста.

— Послушай меня, сэс шериф, послушай и крепко запомни, — сказал ему Робин Гуд, наклонившись с седла. —

Забудь дорогу в Шервудский лес! Не ждут тебя там откормленные стада, не ждёт тень и прохлада. Ждёт тебя там верная смерть. В другой раз живым не уйти ни тебе, ни твоим стрелкам.

Звёзды начали мигать и гаснуть одна за другой. Облака на востоке порозовели.

Вот и Шервудский лес. И кого же увидел Робин Гуд на зелёной опушке, усыпанной сверкающими каплями росы? Юного стрелка в костюме из зелёного линкольнского сукна верхом на белой лошадке! Из-под зелёной шапочки падают на плечи золотые кудри, а прелестное лицо сияет счастьем.

— Мэриен, любовь моя, ты королева Шервудского леса! — любуясь ею, воскликнул Робин Гуд.

— Ты мой король! — тихо и нежно ответила Мэриен.

Мягким шелестом листвы встретил их Шервудский лес. Осинки трепетали на утреннем ветру, блестели стволы молодых берёз. Что-то тихо и сокровенно шептали верхушки могучих дубов. Они

росли в Шервудском лесу ещё до рождения Робина Гуда. И они будут расти ещё долго и услышат песни, которые будут слагать бродячие певцы о благородном и отважном зелёном стрелке Робине Гуде.

Гамельнский крысолов

Славен и богат город Гамельн.

На главной площади подпирают небо башни ратуши¹. Ещё выше тянутся к небу шпили собора Святого Бонифация. Перед ратушей фонтан, украшенный каменной статуей Роланда. Мелкими брызгами покрыты доблестный воин Роланд и его знаменитый меч.

Отзвонили колокола Святого Бонифация. Пёстрая толпа выплывает из

¹ Р а т у ш а — большое здание, где заседает городской общинный совет. В Средние века ратуша обычно была после главной церкви — собора — самым большим и красивым зданием в городе.

высоких стрельчатых дверей собора, растекается по широким ступеням.

Идут богатые бюргеры¹, один толще другого. Блестят золотые цепи на бархатной одежде. Пухлые пальцы унизаны кольцами.

Зазывают, заманивают покупателей купцы. Прямо на площади раскинулся рынок. Горами навалена снедь. Сало белее снега. Масло желтее солнца.

Золото и жир — вот он каков, славный, богатый город Гамельн!

Глубоким рвом, высокой стеной с башнями и башенками со всех сторон окружён город. У каждых ворот стражники. Если пуст кошель, на колене заплата, на локте дыра, копьями и алебардами² от ворот гонят стражники нищего путника.

Каждый город чем-нибудь да знаменит.

¹ Б ю р г е р — житель средневекового города в Западной Европе.

² А л е б а р д а — старинное оружие, топорик, насаженный на длинное древко с остриём на конце.

Знаменит Гамельн своим богатством, золочёными шпилями своих соборов. А гамельнцы знамениты скупостью. Умеют они, как никто, беречь свои запасы, множить добро, отнимать у бедняка последнюю денежку.

Наступил засушливый, неурожайный год. В округе начался голод.

А гамельнцам до этого и дела нет. У них амбары полны прошлогодним зерном, гнутся столы от яств.

Уже с осени потянулись толпы голодных крестьян в город.

Решили хитрые купцы попридержать зерно до весны. К весне прижмёт крестьянина голод, ещё выгодней можно будет продать зерно.

Всю зиму у стен Гамельна, у закрытых ворот, стояли толпы голодных. Лишь стаял снег на полях, приказал бургомистр¹ раскрыть все городские ворота и беспрепятственно пропускать всех.

¹ Б у р г о м и с т р — глава городского самоуправления.

Встали в дверях лавок купцы, заложив руки за пояс, животы выпятив, брови строго нахмутив, чтобы сразу поняли: дёшево здесь ничего не купишь.

Но тут случилось невиданное дело.

Пока ослабевший люд тащился в город, внезапно со всей округи, из голодных деревень, с пустых полей, в Гамельн хлынули крысы.

Показалось поначалу: не так велика беда.

По приказу бургомистра подняли подъёмные мосты, все ворота наглухо закрыли и завалили камнями. Но крысы переплывали через ров и через какие-то ходы, лазейки проникали в город.

Открыто, среди бела дня, шли крысы по улицам. В ужасе смотрели жители на страшное крысиное шествие.

Голодные твари разбежались по амбарам, подвалам и закромам, полным отборного зерна. И начались крысиные пиры!

Крепко задумались бюргеры. Собрались на совет в ратуше.

Хоть и был бургомистр Гамельна изрядно толст и неповоротлив, но ничего не скажешь — умом крепок. Порой только руками разводили гамельнцы: до чего ж сметлив, хитёр!

И вот, поразмыслив, приказал бургомистр: чтобы избавить Гамельн от неожиданной беды, свезти в город со всей округи котов и кошек.

Скрипят телеги по дорогам в Гамельн. На телегах — наспех сколоченные деревянные клетки. А в клетках не откормленные гуси и утки на продажу, а коты и кошки. Всех мастей и пород, худые, голодные.

Въехали телеги на площадь перед ратушей. Стражники открыли клетки. Во все стороны побежали коты — серые, рыжие, чёрные, полосатые.

С облегчением вздохнули бюргеры и, успокоившись, неспешно разошлись по домам.

Но ничего из этой мудрой затеи не вышло.

Коты испугались столь обильного угощения. В страхе бежали они от

крысиных полчищ. Прятались кто куда, забирались на островерхие черепичные крыши. Худой чёрный кот залез на кровлю собора Святого Бонифация и мяукал всю ночь напролёт.

Наутро был вывешен приказ: котов в город заманивать лаской и салом, а из города не выпускать ни одного.

Но куда там! Уже через три дня в Гамельне не осталось ни одного кота.

Что ж, одно не помогло — надо придумать другое. Не сидеть же сложа руки, глядя, как гибнет добро, любовно скопленное, сбережённое, столько раз считанное!

Над Гамельном плывёт звон колоколов. Во всех церквах служат молебны от засилья крыс. На папертях монахи продают амулеты. Кто обзавёлся таким амулетом — живи спокойно: крыса не подойдёт и на сто шагов.

Но ничего не помогало: ни молебны, ни амулеты.

С утра на площади глашатаи трубят в трубы, вызывают на суд крысиного короля.

К городской ратуше стекается народ. Идут купцы со слугами и домочадцами, мастера со своими подмастерьями. Весь город собрался перед ратушей.

Сегодня суд над крысами¹. Ждут, что прибудет в ратушу сам крысиный король. Говорят, пятнадцать голов у него и одно тело. На каждой голове искуснейшей работы золотая корона размером с лесной орех.

В ратушу набилось столько народу — яблоку негде упасть. Один за другим вошли судьи и расселись под балдахином на золочёных креслах. В чёрных бархатных мантиях, в чёрных шапочках, лица у всех важные, строгие, неподкупные — дрожи, крысиный король и вся крысиная братия!

Писцы очинили перья. Все ждали. На малейший звук, даже на шелест

¹ В Средние века в Европе и в самом деле имели место суды над животными. Животных, признанных виновными, заточали в тюрьму или вешали на виселице.

упавшей перчатки, разом поворачивались все головы.

Не знали, откуда появится преступный король: из дверей, из тёмного угла или из-за судейского кресла.

Ждали до вечера. От жары и духоты пожелтели лица судей. Но крысиный король так и не явился.

Делать нечего. Тут же за дверьми изловили большущую усатую крысу. Посадили в железную клетку, а клетку поставили посреди стола.

Крыса, пометавшись, затихла в покорной тоске. Забилась в угол.

Главный судья Каспар Геллер поднялся с места. Вытер платком взмокшее лицо. Пять амбаров с зерном подчистую разграбили у него крысы, опустошили все погреба.

Долго громовым голосом обличал крысиное племя судья Каспар Геллер. Протянув руку над клеткой с крысой, перечислял все преступления, злодеяния и козни проклятых крыс.

После него встал судья Гангель Мун, похожий на разжиревшую лису: длин-

ный нос, масляные глазки. Был он хитрее всех в Гамельне. Всё, чем владел, хранил в сундуках, обитых железом, недоступных крысиному зубу. И теперь смотрел он на всех лукаво, под сочувствием скрывая злорадство.

— Ах, милостивейшие судьи! — сказал Гангель Мун голосом сладким и печальным. — Строгостью к виновным, милосердием к безвинным должен прославить себя судья. Потому не следует забывать нам, что крысы тоже Божьи твари, и к тому же не наделены они человеческим разумом...

Но главный судья Каспар Геллер резко оборвал его:

— Замолчи, судья Гангель Мун! Всем известно, что блохи, крысы, жабы и змеи сотворены дьяволом.

Долго совещались судьи. Наконец Каспар Геллер встал и громким голосом огласил приговор:

— «Мы, милостью Божией судьи города Гамельна, повсеместно прославлены своей неподкупной честностью и справедливостью. Среди всех иных тя-

гот, кои великим грузом лежат на наших плечах, озабочены мы также бесчинствами, учинёнными в нашем славном городе Гамельне мерзкими тварями, носящими богопротивное имя — крысы *Mus rattus*. Мы, судьи города Гамельна, признаём их виновными в нарушении порядка и благочестия, а ещё в воровстве и грабеже.

Также весьма нам прискорбно, что его величество крысиный король, нарушив наш строгий приказ, на суд не явился, что, несомненно, свидетельствует о его злонамеренности, нечистой совести и низости душевной.

Посему приказываем и повелеваем: всем упомянутым крысам, а также королю всего крысиного племени к полудню завтрашнего дня под страхом смертной казни покинуть наш славный город, а также все земли, принадлежащие ему.

Дано в Гамельне 5 апреля 1284 года».

Потом крысу, подпалив ей хвост, отпустили, чтобы передала всему своему роду строгий приказ гамельнского суда.

Крыса мелькнула чёрной молнией и пропала.

И все опять, успокоившись, разошлись по домам.

На другой день с утра нет-нет да и подходили к окнам жители. Ждали, что двинутся крысы вон из города.

Но только напрасно ждали. Солнце стало уже клониться к закату, а проклятое племя и не думало исполнять судебный приговор.

А тут вдруг пронеслась страшная весть! Неслыханное дело!

В ночь, когда состоялся суд, сожрали крысы у главного судьи Каспара Геллера судейскую мантию и шапочку в придачу.

От такой наглости все только рты поткрывали. Быть беде!

И в самом деле, крыс в Гамельне всё прибывало и прибывало.

По ночам во многих окнах мигали свечи. Догорит одна свеча — от огарка зажигали другую, и так до утра. Сидели бюргеры на высоких пуховиках, не решаясь спустить ноги с постели.

Уже никого не боясь, шныряли крысы повсюду. Привлечённые ароматом жаркого, пробирались на кухни. Выглядывали из углов, поводя носами, принюхиваясь: «Чем тут пахнет?» Прыгали на столы, прямо с блюд норовили утащить лучший кусок. Добирались даже до окошек и колбас, подвешенных к потолку.

Чего нихватишься — всё сожрали, проклятые.

И уже в двери многих домов костлявым пальцем постучал голод.

А тут ещё приснился бургомистру такой сон: будто выгнали крысы из домов прежних хозяев. Он, почтенный бургомистр города Гамельна, бредёт с нищенской сумой. За ним жена, дети. Робко постучал в дверь своего дома. Дверь распахнулась — на пороге крыса в рост человека. На груди — золотая бургомистра цепь. Махнула лапой — набросились на них другие крысы в шлемах, с алебардами: «Вон отсюда! Нищие! Голодранцы!»

Наутро собрал в ратуше бургомистр всех советников, рассказал свой сон.

С тревогой переглянулись бюргеры: «Ох, не к добру это!»

Хоть и были бюргеры один скупей другого, но тут решили: ничего не жалеть, лишь бы избавить город от страшной напасти.

По всем улицам Гамельна прошли глашатаи. Шли они, нарушив строй и порядок, сбившись в кучу, друг к другу поближе. Город как вымер.

На пустынных площадях, на пустынных улицах, на мостах в полной тишине странно и зловеще звучали трубы и голоса глашатаев:

— Кто избавит славный город Гамельн от крыс, получит от магистрата столько золота, сколько сможет унести!

Но прошло три дня, а в ратушу так никто и не явился.

На четвёртый день колокол снова собрал всех бюргеров в ратушу.

Бургомистр долго тряс рукавами, подбирал края плаща — не забралась ли крыса? Осунулись, побледнели бюргеры, под глазами чёрные круги. Куда девались румянец и толстые щёки?

Если уж не помогает обещанная награда, видно, больше ждать спасения неоткуда.

Не выдержав, закрыл лицо руками бургомистр и глухо зарыдал. Всё, конец! Погибает добрый старый Гамельн!

И вдруг все услышали какие-то голоса, шум и движение внизу, на площади.

В зал вбежал стражник и крикнул:
— Крысолов!

В дверь, прихрамывая, вошёл странный человек.

Был незнакомец высок и худ. Лицом тёмн, словно хорошенько прокоптили его над огнём. Взгляд пронзительный. От такого взгляда холод пробежал по спине.

На плечах короткий плащ. Одна половина камзола чёрная, как ночь, другая — красная, как огонь. В чёрную шапочку сбоку воткнуто петушиное перо. В руке же незнакомец держал старинную, потемневшую от времени дудку.

В другое время, конечно, недоверчивые бюргеры поостереглись бы такого странного гостя: не доверяли они тощим

бродягам. Но сейчас все обрадовались ему, как самому желанному гостю.

Бургомистр, назвав его «любезный мой господин», сам придвинул ему кресло. Судья Каспар Геллер попробовал даже хлопнуть его по плечу. Но тут же, громко вскрикнув, отдернул руку — ладонь словно огнём обожгло.

Слуги спустились в подвалы и принесли бутылки с мальвазией, рейнским и мозельским.

Пришелец схватил бутылку мальвазии, зубами вытащил восковую затычку и, запрокинув голову, одним глотком выпил драгоценное вино.

Не останавливаясь, опорожнил подряд девять бутылок.

— А не найдётся ли у вас ещё хорошей бочки вина? — спросил незнакомец.

— После, после, любезный мой господин, — медовым голосом сказал Гангель Мун, — сначала дело, а потом уже пир.

А бургомистр, уже не в силах сдерживать нетерпение, спросил знакомого напрямик:

— Скажи, можешь ли ты увести крысиное племя из нашего города?

— Могу, — усмехнулся крысолов. — Эти твари мне подвластны.

— Как? Все до единой?.. — Бургомистр даже привстал с места.

— Я очищу ваш город от крыс. Слово моё, крысолова, крепко. Но и вы своё сдержите. За это дадите мне столько золота, сколько смогу унести.

— Худ как жердь, да и хром в придачу. Такой много не унесёт... — шепнул бургомистр судье Каспару Геллеру. А потом уже, повернувшись к крысолову, сказал громко и важно: — Всё, как договорились, почтенный наш гость. Обмана не будет.

— Так смотрите не вздумайте нарушить своё слово, — сказал крысолов и вышел из ратуши.

Небо стало вдруг серым и мрачным.

Всё заволокло мутным туманом. Вороны, облепившие шпили собора Святого Бонифация, поднялись, закружились, усыпали всё небо со зловещим карканьем.

Крысолов поднёс к губам дудку.

Полились протяжные, манящие звуки.

Слышался в этих звуках щекочущий шорох зерна, струйкой текущего из прорехи в мешке. Весёлое щёлканье масла на сковороде. Хруст сухаря под острыми зубами.

Бюргеры, стоявшие у окон, ахнули и невольно подались назад.

Потому что на звуки дудки из всех домов стали выбегать крысы. Выползали из подвалов, прыгали с чердаков.

Крысы окружили крысолова со всех сторон.

А тот равнодушно пошёл, прихрамывая, с площади. И все до одной крысы побежали вслед за ним. Стоило только умолкнуть дудке, как всё несметное крысиное полчище останавливалось. Но опять начинала петь дудка. И снова крысы покорно устремлялись вслед за крысоловом.

Из улочки в улочку шёл крысолов. Крыс становилось всё больше и больше.

Выглядывали из окон мясники, колбасники, сапожники, золотых дел мастера. Ухмылялись. Что ни говори, а приятно смотреть вслед уходящей беде!

Трактирщик Иоганн Брандт встал в дверях трактира. Крысы так и хлынули из дверей, чуть не сбив с ног толстяка.

Вслед за крысоловом все крысы двинулись к городским воротам. Стражники едва успели укрыться в башнях.

Крысы вышли из города и чёрной лентой растянулись по дороге. Последние, отставшие, перебежали через подъёмный мост — и вдогонку за крысоловом. Всё заволкло пылью. Несколько раз мелькнул чёрный плащ крысолова, рука с дудкой, петушиное перо...

Удаляясь, всё тише и тише звучала дудка.

Через час прибежали в город пастухи. Перебивая друг друга, рассказали:

— Крысолов вышел на берег реки Везер. Прыгнул в лодчонку, которая покачивалась тут же у берега. Не переставая играть на дудке, выплыл крысолов

на середину Везера. Крысы бросились в воду и поплыли за ним, и плыли они до тех пор, пока не утонули все до одной. А было их такое множество, что из берегов вышел могучий Везер.

Ликует освобождённый от крыс город.

Радостно звучат колокола на всех соборах. Весёлыми толпами идут по улицам горожане.

Спасён славный Гамельн! Спасён богатый Гамельн!

В ратуше слуги разливают вино в серебряные кубки. Сейчас не грех и выпить.

Вдруг из-за угла появился крысолов и пошёл через площадь прямо к ратуше. Всё так же была у него в руке дудка. Только одет он был иначе: в зелёный костюм охотника.

Переглянулись бюргеры. Платить? Э, нет...

— Жилист и крепок этот крысолов, — шепнул бургомистр судье Каспару Геллеру, — такой хоть и хром, а унесёт всю казну...

Крысолов вошёл в ратушу. Никто и не поглядел в его сторону. Бургомистр отвернулся, Каспар Геллер уставился в окно.

Но, видно, крысолова было не так-то легко смутить.

С ухмылкой вытащил он из-за пазухи мешок. Показался этот мешок бюргерам бездонным.

— Я своё слово сдержал. Теперь дело за вами, — сказал крысолов. — Как договорились. Столько золота, сколько смогу унести...

— Милейший... — Бургомистр в замешательстве развёл руками, оглянулся на Гангеля Муна.

— Вот как? Не кошель, не суму — целый мешок золота?.. — хихикнул судья Гангель Мун и в притворном испуге выпучил глаза.

Кто-то ещё негромко засмеялся. Ай да хитрец Гангель Мун! Вот как, значит, надо повернуть дело! Золото было обещано в шутку. А бедняга, видно, совсем ума лишился: поверил всему. Да ещё захватил с собою мешок.

Тут захохотали все. Бургомистр, советники, цеховые старшины¹.

— Мешок золота?

— Ха-ха-ха!

— Целый мешок!

— А за что?

— За дурацкие песни? За дудку?

— Уморил!

— Золото ему подавай! А не хочешь ли пинка?

Долго смеялись бюргеры. А странный пришелец молча стоял, и какая-то злобная радость проступала у него на лице.

Добро бы просил, требовал обещанное!.. Нет, он молчал.

Хитрец Гангель Мун, с опаской косясь на крысолова, наклонился к уху бургомистра.

— Может, отсыпать ему горсть золота? Так... немного, для виду... А потом

¹ Ц е х о в о й с т а р ш и н а — глава цеха, то есть объединения ремесленников. В такое объединение входили ремесленники (мастера и подмастерья) одной специальности, например оружейники, каменщики, плотники.

обложить податью людей победнее, кто вовсе не пострадал от крыс, потому что и так ничем не владел.

Но бургомистр от него отмахнулся. Откашлялся и голосом важным, но отечески ласковым сказал:

— Дело сделано. Надо, как обещано, расплатиться. По трудам и плата. Кошель серебра и выход из города через любые ворота.

А незнакомец тут же показал себя полным невежей. Кошелька не взял и, даже не поклонившись, повернулся спиной и вышел из зала. После него осталось слабое облачко серного дыма.

Тут уж совсем развеселились бюргеры. Славно вышло: разом избавились и от крыс, и от крысолова.

Громко звонят колокола Святого Бонифация. Все бюргеры с жёнами и слугами отправились в собор к воскресной обедне.

И никто из них не слышит, что снова на площади запела дудка.

«Можно! Можно! Можно! — поёт дудка. — Сегодня всё можно! Я поведу

вас в зелёные рощи! На медовые заливные луга! Босиком по лужам! Зарыться в сено! Можно! Можно! Можно!»

Топот маленьких башмаков по деревянным лестницам, по каменным ступеням...

Из всех дверей выбегают дети. Бросив игру, бросив прялку, на бегу подтягивая чулки, дети бегут за крысоловом, жадно ловя звуки дудки.

Из каждого дома — дети. На каждой улице — дети.

Падают, разбивают коленки, потрут, подуют и бегут дальше. Весёлые, с липкими пальцами, за щекой сласти, в кулаке горсть орехов — дети, сокровище Гамельна.

По улице бежит дочь бургомистра Марта. Розовое платье раздувает ветер. А одна нога не обута, только один башмачок натянула в спешке.

Вот уже городские ворота. Дети с топотом пробежали по подъёмному мосту. А крысолов уводит их по дороге, мимо вересковых холмов всё дальше, дальше...

Шли годы.

Однажды забрёл в осиротевший Гамельн слепой странник.

За несколько медных монет пустил его трактирщик погреться у тёплого очага. Слышал слепой, как стучат о деревянный стол кружки с пивом. И кто-то сказал:

— Откуда ты пришёл, старик? Потешь нас рассказом почуднее, и я, так и быть, поднесу и тебе кружку пива.

И слепой старик начал рассказ:

— Много земель исходил я, и вот куда однажды привела меня судьба. Трудно слепцу вести счёт времени: по теплу, идущему от солнца, по холоду, идущему от ночного неба, отличаю я день от ночи. Долго блуждал я по дремучему лесу. Вдруг услышал я звон колоколов. Для слепца звуки то же, что для кормчего — свет маяка. Так, идя на звон колоколов, подошёл я к какому-то городу. Стражники не окликнули меня, я вошёл в ворота и побрёл по улице. Чутко прислушивался я ко всем звукам, стараясь понять, не завела ли меня судьба в недоброе место.

И не мог я не подивиться. Слышал я вокруг себя только молодые голоса. Как птица летал вокруг меня смех.

В этом городе больше бегали, чем ходили. Кто-то вприпрыжку обгонял меня. Кто-то бежал мне навстречу. Слышал я, как мяч ударялся о стену. Все голоса были звонкие. Все шаги лёгкие, быстрые. И тогда понял я, что этот город населён одними юношами и девушками. И показалось мне: сложен весь этот город из светлого камня и солнечных лучей.

Был я радушно принят в первом же доме, куда постучал. А когда спросил я, как зовётся этот город, странную сказку рассказал мне мой юный хозяин. Думаю, посмеялся он над бедным стариком, но я не сержусь на доброго юношу.

Вот что рассказал он.

Когда были они маленькими детьми, увёл их из родного города человек в зелёной одежде, игравший на дудке. Видно, был это сам дьявол, потому что завёл он их прямо в глубину высокой горы. Но силы небесные защитили их,

не хватило у него власти загубить невинных детей. И после долгих скитаний во мраке прошли дети сквозь гору и очутились в безлюдном, диком месте.

Тогда из лесу пришли лани и кормили самых маленьких своим молоком. Без труда приручались дикие козы. Сначала жили дети в шалашах, а потом стали строить город. И легко поднимали они огромные камни, словно камни сами хотели сложиться в стены и башни...

И когда кончил слепец свой рассказ, услышал он старческие вздохи, сдавленные рыдания, идущие из самой глубины души. Глухой кашель и стоны.

Тогда понял странник, что вокруг него одни старики. И весь город показался ему мрачным, печальным и сложенным из тёмного камня.

В волнении, прерывающимся от слёз голосами стали спрашивать старики:

— Но где же, где же, в какой стороне лежит тот юный, светлый город?

Но ничего не мог им сказать нищий слепой странник.

Содержание

Тристан и Изольда	3
Король Артур	45
Лоэнгрин	83
Юный Роланд	105
Робин Гуд	166
Гамельнский крысолов	212

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

Прокофьева Софья Леонидовна
Легенды Средних веков

Разработка серийного оформления **А. В. Копалин**

Редактор **М. Х. Даибова**
Художественный редактор **М. А. Закиров**
Технический редактор **Т. В. Луговская**
Компьютерная верстка **Г. П. Васильева**
Корректор **Т. А. Сёмочкина**
Цветоделение **М. А. Вирсис**

Подписано в печать 05.07.06. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,0. Тираж 10 000 экз. Заказ № 3867.
ООО «Дрофа-Плюс». 127018, Москва, Сушевский вал, д. 49.

Издание осуществлено при участии ООО «Дрофа»
127018, Москва, Сушевский вал, д. 49.

По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа-Плюс» обращаться по адресу:
127018, Москва, Сушевский вал, д. 49.
Тел.: (495) 795-05-50, 795-05-51.
Факс: (495) 795-05-50, доб. 30-28.
WWW: <http://www.drofa.ru>

E-mail: osipova@drofa.ru, svb@drofa.ru, trunov@drofa.ru

Торговый дом «Школьник».
115172, Москва, ул. Большие Каменщики, д. 6, стр. 1а.
Тел.: (495) 912-15-16, 912-45-79.
E-mail: info@td-shkolnik.com

Магазин «Переpletные птицы».
127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Издательство
«Дрофа-Плюс»

**По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа-Плюс»**

обращаться по адресу:

127018, Москва, Суцевский вал, 49.

Тел.: (495) 795-0550, 795-0551.

Факс: (495) 795-0550, доб. 30-28.

www: <http://www.drofa.ru>

E-mail: osipova@drofa.ru,

svb@drofa.ru, trunov@drofa.ru

**Книги издательства «ДРОФА-ПЛЮС»
можно купить у наших партнеров**

ООО «Торговый дом «Школьник»

115172, г. Москва, ул. Б. Каменщики, д. 6, стр. 1А

Тел.: (495) 912-1516, 912-4579

E-mail: info@td-shkolnik.com

ООО «ТОП-КНИГА»

г. Новосибирск

Тел./факс: (3832) 36-1032

E-mail: office@top-kniga.ru

ЗАО «Клуб 36°6»

107078, г. Москва, Рязанский пер., д. 3

Тел.: (495) 261-2490 267-2969 267-2833

E-mail: club366@aha.ru

ООО «АСТ-ПРЕСС-Дикси»

г. Киев, ул. М. Житомирская, д. 16/3

Тел.: (38044) 490-3578, 464-0874

E-mail: kazka@svitonline.ru

ООО «Люмна Трэйд»

г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 11В

Тел.: (3432) 64-2370

E-mail: lumna_b@r66.ru

ООО «Инор»

г. Санкт-Петербург

Тел.: (812) 183-5046, факс: (812) 183-5020

E-mail: inor@inbox.ru

ООО «ОВА-пресс Плюс»

г. Екатеринбург, ул. Малышева, д. 142

Тел.: (3432) 75-9431, 75-9425, 63-7892

E-mail: ovaplus@r66.ru

ООО «ИнтерСервис ЛТД»

г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14

Тел.: (3512) 21-3453, 21-3442,

21-3374, 21-3516

E-mail: intser@chel.surnet.ru

Сеть магазинов

«Книги&Книжечки»

г. Калининград, Ленинский проспект, д. 103

Тел.: (0112) 56-6568

E-mail: jatamanova@vestor.koenig.ru

Хрестоматия

начальная школа

Х

рестоматии

адресованы детям младшего
школьного возраста. В них вошли
произведения, включенные в школьную
программу и рекомендованные
к внеклассному
чтению.

ISBN 5-9555-0959-3

9 785955 509594